

№ 30
ноябрь 2003 г.

*5 лет
с читателем!*

УХТА ЛИТЕРАТУРНАЯ

*Золотая поэзия
Республики Коми*

ШЕДЕВРЫ НАДО ЧИТАТЬ, ГОСПОДА, ШЕДЕВРЫ!

Уважаемый читатель!

В Республике Коми сильна пейзажная (Василий Журавлев-Печорский), сильна историческая (Игорь Терновский), сильна психологическая (Надежда Мирошниченко), сильна детская поэзия (Александр Журавлев).

Журнал “Ухта литературная” берет на себя ответственность громогласно заявить: **литературный процесс в Республике Коми существует, идет дальше, незыблем и традиционен.** Доказательством служит эта подборка лучшей, золотой поэзии всех времен и народов в республике.

Золотой она называется по праву содержания в себе только шедевров.

Шедевр – это мастерство, кругозор, афористичность, то, что прилипает к читателю как смола, это гамма чувств, это страсть, это жизнь, это пронзительность, не менее – зрелищность, находки новых словосочетаний, как пушкинские “Во глубине сибирских руд”, “Как пахарь, битва отдыхала” - это всем образам образы. Шедевр – это еще за сложностью мысли простота изложения, использование всех технических и музыкальных возможностей русского языка.

К литературному шедевру применимы выражения: “этим все сказано” или “лучше не скажешь”.

Только шедевры, открытия, изобретения в любой области деятельности двигают сознание вперед и дают толчок развитию всему обществу.

Шедеврам пора присваивать звание “народный”, когда они любимы всеми категориями населения. Разве не народны “Ярославское шоссе” Игоря Терновского, “Прачка” Надежды Мирошниченко, “Киты” Александра Алишутова, “Мой друг Володя Глебов” Виктора Кушманова, “Грибная пора” Валерии Салтановой?

20-й век – это Золотой век республиканской поэзии, ее расцвет, и такой больше не будет. И другой, лучшей – тоже. К великому сожалению.

Пусть эта подборка послужит энциклопедией нашей жизни в России и на земле Коми, вкладом в русскую словесность, рекомендацией в хрестоматию, а также приглашением молодым поэтам писать ярко и даже лучше.

Невольно, но произошло случайное противостояние между сыктывкарскими и ухтинскими поэтами, похожее на негласное соревнование. Возможно, таков расклад сил в республике, если можно так говорить.

Алексей МИЛЬКОВ

Уважаемый читатель!

Да, поэзия сейчас переживает сонное состояние.

Тем не менее, в России, не смотря на эту ненастную погоду, существует поэтический материк. А в Республике Коми это целый остров поэзии, состоящий из столицы Сыктывкара, многих населенных пунктов, в том числе и нашей Ухты, где произрастает масса незаурядных талантов.

Современную жизнь и литературу можно представить в виде множества потоков, которые несут различные виденья, образы и реалии окружающего нас мира. Не все они, разумеется, чисты, попадается мусор, грязь, нелепица, что-нибудь мало приемлемое. И требуется значительная фильтрация, чтобы из мутного потока получить что-то близкое к кристальной чистоте, и, может быть, с выделением драгоценного осадка. Так и с поэзией. Мне кажется, что составители сборника лучшей из лучшей поэзии Республики Коми этого достигли. Редколлегия журнала "Ухта литературная", не взирая на лица авторов, придирчиво отбирала произведения. Во всяком случае, во всем, что отнесено к шедеврам, очевидно видятся высокое качество и отблески золотого песка.

Приносим сожаления, если какое-то наследие было упущено, но следующие составители нас дополнят.

Игорь ТЕРНОВСКИЙ

Ухта и ухтинцы благодарят Администрацию г.Ухты и ее градоначальника Каргалину Антонину Алексеевну, а также "УНП – Лукойл" и его генерального директора Клеонского Илью Григорьевича за выход этого уникального номера журнала "Ухта литературная" в жизнь в честь 60-летия города (2003 г.).

Пусть он будет подарком г.Ухты Республике.

**Администрация г.Ухты
Глава города Каргалина А.А**

**"УНП – Лукойл"
генеральный директор
Клеонский И.Г.**

Золотая Поэзия Республики Коми

НАДЕЖДА МИРОШНИЧЕНКО

РУССКИЙ РОМАНС

Как жаль, что декабрь на дворе,
 Что холодом душу свело.
 Зато вся земля в серебре,
 И все-таки в мире светло.
 А я унывать не люблю.
 И ты меня лучше не тронь.
 Я печку в доме затоплю
 И буду смотреть на огонь.

Он вьется в печурке, как вьюн.
 Он тайною дышит своей.
 А хочешь, я чаю налью
 Покрепче, чтоб было теплей.
 И может, оттаю сама
 И стану, как прежде, собой.
 Какая крутая зима!
 Как холод кипит голубой!

* * *

Потеплела земля,
 Подобрела.
 Подобрела и я.
 Подурнела
 От веснушек, от солнца, от сини.
 Хорошо-то как, господи, с ними.

Потеплела земля,
 Пообвыкла.
 Пообвыкла и я,
 Поотвыкла
 От зимы. От ее неотложек.
 Хорошо-то как, господи-боже.

Пошутила земля,
 Полюбила.
 Полюбила и я.
 Погубила.
 Хочешь вой ли теперь.
 Хочешь – пой ли.
 Хорошо ли тебе? Ой ли, ой ли.

БЕРЕЗА

Станиславу Куняеву

“Краснопевцу – вечная плачь”.
 (из разговора с устьцилемкой)

Знаю:
 они, эти символы наши, – не зря.
 Ой ты, береза,
 моя белокрылая плачь!
 Пусть про тебя мне с три короба наговорят,
 но через травы одна ты пускаешься в плавь.
 Черное с белым –
 в душе моей поровну их.
 Ой ты, береза,
 как жить мне на свете, скорбя?
 Кто-то великий собрал материал на двоих,
 да передумал и вылепил только тебя.
 Ой ты, береза,
 за то упрекают строку,
 что от повторов твой образ навяз и зачах.

Родина! Родина!
 Белая тень на лугу.
 Белое платье да черный пиджак на плечах.
 Сваха моя,
 я тебе до земли поклонюсь.
 Слезы мои,
 сквозь улыбку они солоней.
 Свиток мой древний,
 где каждая главка про Русь,
 каждое слово о Родине, только о ней.
 Родина! Родина!
 Сердце мое утоли.
 В памяти плещутся чистых берез голоса.
 Дай наглядеться мне в синие очи твои
 да в бирюзово-березовые небеса.

* * *

Мир начинается с “я” и “ты”.
 Ты – это белый свет.
 Ты – это нежность моя и стыд.
 Ты – это “да” и “нет”.
 Я собираю по колоску
 душу свою для нас.
 Круто замешиваю тоску
 для васильковых глаз.
 Черные очи за мной следят,
 зелены от беды.
 Мир начинается с “ты” и “я”.
 Я – это тоже ты.
 Ты уговариваешь: “Пусти:
 нужен другой отсчет”.
 Снова ладони мои пусты,
 пуще любых пустот.
 Но вопреки и благодаря,
 сквозь мириады лет,
 мир начинается с “ты” и “я”
 так же, как с “да” и “нет”.

* * *

Провинция любит потом.
 Сначала глядит – и не видит.
 Ей кажется: в люди не выйдет
 из провинциалов никто.
 Ей кажется:
 мир не дорос
 до чеховских этих историй,
 где Волга – в Каспийское море,
 где кушает лошадь овес...
 Неправда, что мир равнолик
 по сумме и разности знаков.
 Неправда, что мутен родник,
 но мутен бывает однако.
 Неправда, что легче в селе,
 ну разве что навеселе.
 Провинция любит потом,
 когда на щите золотом.

* * *

Словно весла, ветки ивы.
 Захотела б – уплыла.
 Никогда такой счастливой
 я, наверно, не была.

Даже если приголубишь,
 ничего – перетерплю.
 Это ты меня не любишь.
 Это я тебя люблю.

Километры, словно ветры,
 за окошком, до утра.
 Что ты? Как ты?
 С кем ты? Где ты?
 Задыхаются ветра.
 Свяжешь узел и разрубишь.
 И свяжу – не разрублю.
 Это ты меня не любишь.
 Это я тебя люблю.

В эту пору первых листьев,
 в это зарево воды
 все просторнее и чище –
 от надежды до беды.
 Даже если жизнь погубишь,
 поклонюсь, как пригублю.
 Это ты меня не любишь.
 Это я тебя люблю.

* * *

За то,
 что птице крыльев не вязал,
 за то,
 что псу похлебки не жалел,
 за то,
 что дом, похожий на вокзал,
 и защитил, и спас, и отогрел,
 за то,
 что сам остался не у дел,
 когда другие рвали удила,
 за то,
 что незаметно поседел,
 что от тебя детей я родила,
 за то,
 что все стихи мои прочел,
 по жизни их цена, не по рублю,
 за то,
 что раю ад ты предпочел,
 я никогда тебя не разлюблю.

ПЛОЩАДЬ ПУШКИНА

Тогда еще мне враг казался страшен.
 И знала я, зачем не сберегли.
 Тогда не представлялось, что Наташей
 Он называет дома Натали.
 Дворцовая казалась Образцовой.
 Нева – проспектом.
 Сплетницей – Москва.
 И вот стою на площади Творцовой
 в предчувствии сиротства и родства.
 И понимаю: это не задача –
 и царь, и сплетни, и Карамзина.
 Он выбрал сам.
 Он сам себе назначил
 и Петербург, и казнь, и времена.
 Уничтожая адрес на конверте,
 он понимал, что слишком вознесен

в своем, уже случившемся, бессмертье.
И потому не может быть спасен.

* * *

Станиславу Куняеву

Родина!
Да что это за диво?!
Насмерть зарубцуются во мне
все твои мечты и перспективы,
каждая былиночка в стране.
Родина!
Чего ни напророчат,
эти все пророчества уйдут.
Как твои березы кровоточат!
Как твои бульжники цветут!

* * *

Не видела Бога,
не верила в беса,
любила дорогу,
звалась: поэтесса!
Чего не услышишь
об этой породе,
того не напишешь:
стесняешься вроде.
Но черная корка
соленого хлеба,
как черная долька
молочного неба.
Но белая блеска
березовой чащи,
как чистая слезка
планеты летящей.
Не с этими – эти,
другие – не с теми.
Тяжелое бремя –
родимое время.
И черная корка.
И белая прядка.
И сладкое “Горько!”
И горькое “Сладко!”

* * *

А тоска – так зелена,
а жена – так красивая,
а стрела – так каленая,
а звезда – так счастливая,
а дорога – так дальняя,
а разлука – так слезная,
а судьба – так опальная,
а победа – так поздняя.

ПЕСНЯ СУДОМОЙКИ

(из поэмы)

Эти бабы просто слабы.
Что им море-океан?
Понимали бы, хотя бы,
что они не ровня нам.
“Ветер по морю гуляет

и кораблик подгоняет”, –
вот их знание о море,
о бедовой стороне.
В сухопутном разговоре
перемоют кости мне.
А того не знают, милы,
что проклятая волна
сердце надвое разбила,
и себе я не вольна.
Ни на море, ни на суше
нет покоя мне теперь.
Разве выговоришь душу,
сухопутная, тебе?
Мне матросы, как братишки.
Я работы не боюсь.
Эй, Атлантика, потише,
а не то разгневаюсь.
Жены, жены, знают разве,
до какого пота
тут изводит в каждом разе
мужиков работа?
Разве знают, как волна
до смерти качает?
Эй, морская сторона!
Половодье чаек!
“Ветер по морю гуляет
и кораблик подгоняет”!
привезет он ей, конечно,
платье заграничное,
Про меня смолчит, сердечный:
это дело личное.

* * *

Сколько ни свивают птицы гнезд –
столько гроз.
Сколько мужики ни дарят роз –
столько слез.
А потом еще меня корят:
все, мол, из-за баб.
Ничего, пускай поговорят,
а на мне – изба.
Сколько мужики ни сеют бед,
столько и побед.
Потому что жизни нет,
если чести нет.
Потому что им бы –
печь да щи.
И помрут, шутя.
Потому что им бы –
меч да щит.
А на мне – дитя.
А на мне земли моей судьба:
приголубь, спаси!
А на мне звезды моей мольба:
свет не погаси.
А мужик опять:
“Зовут, кажись?!”
Завтра в путь”.
А потом:
“Уж ты меня дождись
как-нибудь”.

* * *

Галине Бутыревой

Если по правде,
не стоило браться за это.
Если по правде,
не стоит без этого жить.
Освещена или проклята участь поэта,
кто его знает. Задачу не мне разрешить.
Разве об этом мы думаем в обществе ночи,
строгими пальцами буйные головы сжав?
Не замечая угрюмых своих одиночеств,
перебирая заботы времен и держав.
Разве об этом нам шепчут перо и бумага,
путая души,
перенапрягая умы?
Если по правде,
да здравствует жизнь и отвага!
Если по правде,
чего же стреляемся мы?
Девочка плачет над новою книгой поэта.
Если по правде,
то стоит для этого жить.
Если по правде,
то лучшая песня не спета.
И хорошо, что ее никогда не сложить.

ПРАЧКА

Люблю я запах чистого белья.
Люблю стирать.
Уходит грязь, уходит.
И белизною жизнь полна моя.
И чистота на свете происходит.
Да будет прачка весело в дому
наедине с работой бесконечной.
Да пусть не удивится ничему
над стиркой обязательной и вечной.
И, может, мне дороже во сто крат,
что плачено за свет привычным
потом.
Чем белоснежней будничный наряд,
тем тяжелее черная работа.
В знакомый час берусь за стирку я.
Мне кинут: "Надрываешься, горячка?"
Как много в мире грязного белья,
как хорошо, что есть на свете прачка.

* * *

Синие околыши, синие фуражки.
Желтая кокарда – золоченый герб.
Юные пилоты, юные замашки.
Юные маршруты в тундре и тайге.
Где-то авиация нынче, как телега.
Наша авиация – наши паруса.
Наш маршрут суровый – северное небо –
наш маршрут единственный.
Море – небеса.
Проплывут, скрываясь, в небе самолеты.
Отдохнет гостиница от жильцов своих.
Свысока посмотрят на землю пилоты.
А земля с любовью поглядит на них.
Экие здоровые!

Экие горластые.
Плохо, что крылаты. Ну да ничего.
Пусть себе летают,
силушкой похвастывая.
Только бы вернулись. Все до одного.

КОМИ ЗЕМЛЕ*В.Г.Подюку*

Земля моя, ты дань брала не хлебом –
чахоткой и могилами брала.
И было мрачным северное небо
и редкими твои колокола.
Но милосердна ты была, как мать,
и в час крутой, и в самый страшный час,
натягивая траурное платье,
любовью к жизни ты кормила нас.
Ты белой ночью врачевала раны.
И песни пармы клала в колыбель.
Не страшно мне остаться безымянной:
такой ты стала сильною теперь.
Я дань беру зелеными лесами,
пушистым зверем,
углем и рудой.
А ты глядишь веселыми глазами
и остаешься вечно молодой.
И ты опять, как мать, милосердна,
лишь клад открою – тут же новый ждет.
Как сделать мне,
чтоб ты была бессмертна?
Не задохнуться от твоих щедрот?

* * *

Как похожи вы на лопухи,
листки капустные.
Самые веселые стихи
пишут люди грустные.
Как у бедняка карман богат:
делится хоть крошкой.
Самая плохая из зарплат –
самая хорошая.
Как ты бескорытна, доброта:
гибнешь, а не плачешься.
Самая тяжелая беда,
если в смех не спрячешься.
Самые невинные грехи –
самые прощальные.
Самые веселые стихи –
самые печальные.

* * *

Я так опустила, что даже с врагами беседую.
От счастья не слепну,
последний пятак берегу.
Но это пока исповедую жизнь я оседлую,
а кончится лето – и больше я так не смогу.
А мне говорили, что Пушкин – язычник!
Мне верится.
Конечно, язычник: он понял и женщин, и птиц.
Ему до сих пор улыбается каждое деревце
и каждая девица светится из-под ресниц.
На доньшке осени –

щедрого солнца величество.
Шуршат листопады, как тысячи будущих книг.
Да здоровствует слово!
Его волшебство и язычество!
Язычество Пушкина в том,
что он создал язык.

* * *

Розы, грозы, грезы, слезы
да к тому ж любовь и кровь!
В этих рифмах столько прозы!
В этих рифмах столько поэзы:
улыбайся и злословь.

Но, когда я вижу розы –
теплый ворох лепестков, –
в летний полдень и в морозы,
вытирая наспех слезы,
вспоминаю бабьи грезы
и проклятую любовь.

А когда уйду от прозы
прямо к Пушкину, то вновь
я уже не вижу поэзы
там, где локоны и косы,
где белым-белы березы,
а на Черной речке – кровь.

У ПОРТРЕТА ПЕТРА I

Мы взвешиваем “против” все и “за”
в словах: “Здесь будет город заложен...”
Но глянешь в эти властные глаза
и верою в державу поражен,
и прихотью: “Я этого хочу!”
и гордостью: “Просторы велики!”
и дерзостью: “Задача по плечу!”
и слабостью: “Россия, помоги!”

Тыходишь в современный Ленинград,
где Петербурга облик обнажен,
и в думах возвращаешься назад,
к его: “Здесь будет город заложен...”
Тот город как знамение возник.
И крест в его ладонях, и звезда.
Гляди, народ, как смел ты и велик!
Какие ты построил города!

СЛОВУ

Тимуру Зульфикарову

Ты приучило меня к бересте,
к искренности янтаря,
к речи таинственной каменных стен
древнего монастыря,
к детскому лепету,
к стрелкам веков,
к вечному зову в крови,
к мудрости на корабле дураков,
к эху на лодке любви.
Что тебе стоит?
Придись ко двору.

Что пожелаешь, возьми.
Сердца и мысли живую игру
слабостью не возомни.
Тысячелетья мы учим азы –
толку не видно пока.
Озолоти мой лукавый язык
и не лиши языка.

* * *

Владимиру Личутину

Конь мой, конь, ты спи в усладу днем.
Только вечер месяц запалит, –
мы опять умчим с тобой вдвоем,
пусть дорога стонет и пылит.
Много конниц мчалось по степи.
Много горя в топоте копыт.
Конь мой, конь, на прах не наступи,
пусть спокойно мертвый воин спит.

Конь мой, конь, дитя не потревожь,
задевая гривою свирель,
пусть ему опять приснится рожь,
русая, как Русь богатырей.
Нам беречь небесную межу,
царь-девицу мудрую спасать.
Я тебя до стойла провожу,
а потом пойду стихи писать.

* * *

Ты молчи, дурак, коли что не так.
А не то, дурак, попадешь и ты
в те края, где мрак, где пригоден всяк,
где кресты-кресты у любой версты.
Ты не плачь, дурак, что дружок – кулак,
что ты по полю-то простаешься?!
Если ты, дурак, не беляк, не враг,
то чего за так надрываешься?!
А его семью – это ж не твою.
Ты сведи свою за околицу.
Пусть повоюют там, нынче так поют.
Да гляди, дурак, пусть не молятся.
А еще, дурак, полюби пятак
да суму возьми на пожарище.
А друзей пяток позабудь, простак:
те друзья тебе не товарищи.
Да не мучься так, все живут не так.
Почему не так, не разглядывай.
Но скажу тебе: ты, дурак, – дурак.
Почему дурак, сам разгадывай.

* * *

По Невскому, угрюмы и плечисты,
затянутые в кожу, словно кнут,
ходили интер-наци-оналисты
и говорили: “Русские, капут!”
А русские меж ними суетились,
таща авоськи, как колосники,
и все чего-то явного стыдились,
придерживая правой кошелки.
Гостинный двор России полон снова.
Вывозят Русь в заморские края.

Глядят глазами Игоря Талькова
обманутая Родина моя.
Очнись, Россия, без земли и славы
тебе не выжить и не сдобровать.
Гостиный двор, Петровские забавы.
Все вместе, кто умеет продавать.

И потому угрюмы и плечисты,
затянутые в кожу, там и тут,
ликуют интер-наци-оналисты
и повторяют: “Русские, капут!”

* * *

Стала не полем уже, а простором
Русская наша судьба.
Стали энергией наши раздоры
И небесами мольба.
Все увеличилось до категорий
И снизошло до стихий.
Родина! Родина! Белое море!..
Белых надежд лопухи.

Родина! Родина! Ласточка света!
Сердца высотная дрожь!
Сколько уже о тебе перепето!
Сколько не перепоешь!
Но все равно, что бы ни было с нами,
Выдержат это житье
Русская песня и русская память,
Русское сердце мое.

* * *

По белой реке этой ночи бессонной,
по мелкой реке до глубокого дня
плывут и плывут колокольные звоны,
чтоб в сердце остаться навек у меня.

А сердце молчит, и душа замирает:
за что этот дар и зачем этот звук?
И страшно, что кто-то ответ разгадает,
и выскользнет тайна из сомкнутых рук.

Я буду хранить колокольные звоны.
О них никогда никому не скажу.
И галлы примчатся ко мне, и тевтоны –
сомкну я уста, им молчать прикажу.

И только когда я устану на свете,
я на берег выйду совсем налегке,
и сердце, вобравшее тысячелетья,
рассыплет малиновый звон по реке.

ЭЛЕГИЯ

А я черемухи коснусь, и вспыхнет радость!
А я от морока очнусь: чего страдала?
Какое счастье понимать, что счастье рядом.
Цветет черемуха. Опять похолодало.
Зачем ты думал обо мне светло, туманно.
На чужедальней стороне мечтать опасно.
Как первобытна чистота! Как первозданна!
И как черемуха густа, а жизнь прекрасна.

Похолодало на земле. А я жалела,
что даже грусть наедине преодолима.
За нежной зеленью раки, за ночью белой
опять черемуха горит неопалимо.

* * *

Высока Москва, высока!
Что ни крик в Москве, то толчек.
Велика Москва, велика!
Что ни шаг в Москве, то скачок.

Широка Москва, широка!
Что ни князь в Москве, то двойник.
Глубока Москва, глубока!
Что ни храм в Москве, то тайник.

Дорога Москва, дорога!
Ей одна цена – белый свет.
На века Москва, на века!
Да от ворона спасу нет.

* * *

Станиславу Куняеву

И все-таки есть у поэта
его поднебесная грусть,
его первозданная мета,
его неделимая Русь!
Поэзия!
Что тебе повод?!
И что тебе оклик: “Не смей!”
Твое восходящее слово
и жизнь превосходит,
и смерть.
Слетает, и снова светает,
слетает с небес воронье.
А ты, в самом деле святая.
Поэзия – сердце мое!
И кто же не знает об этом:
рождаемся, чтобы пропасть.
А все-таки есть у поэта
над миром и временем власть.

* * *

Анатолию Паиневу

Когда смотрю, так ты мятежен,
Как нежен ты и как далек,
я вспоминаю: белоснежен
Был парус тот и одинок.

И этот юноша печальный,
Что на бессмертье обречен,
Нам улыбнется обручально,
Навеки с нами обручен.

И ты такой же, ты такой же.
Тебе не по сердцу покой.
Так успокой же, успокой же.
Зачем еще один такой?!

И сколько будут ранить строки
 Меня во времени любом:
 “Белеет парус одинокий
 В тумане моря голубом”.

* * *

Марии Троханович

Ты уже отплакала
 беды и печали.
 Крылья свои белые
 в черное одела.
 Как оно не вовремя
 горькое прощание.
 Вот и расстаемся мы.
 Но не в этом дело.
 Что теперь о почестях
 вспоминать и славе,
 Разве что изменится,
 что ни говори я.
 Имя твоё чистое
 улищею станет,
 Память тебе светлая,
 светлая Мария.
 На таких и держится
 Родина и совесть.
 Но уже не выдержать
 сердцу перегрузки.
 Разве это мыслимо –
 жизнь со смертью вровень.
 То, что называется
 подвигом по-русски.
 Слово безответное,
 что ни говори я.
 Память тебе светлая,
 светлая Мария!

РОССИИ

Ты ясная моя, моя любимая!
 Ты чистая моя и необъятная!
 И на чужое – непереводаемая.
 А на родное – и без слов понятная.

ГЕННАДИЙ ЮШКОВ

О ВЕСЕЛОМ НАСТРОЕНИИ

Люди живут по-разному...
 Слышал от чудака
 Я рассужденья праздные:
 В тундре, мол, жить – тоска.

Разве красотой померятся
 Север земли
 И юг?
 В тундре у вас ни деревца,
 Топи одни вокруг.

Значит, здесь с кислой рожей
 Люди живут, мой свет?..
 Но ничего похожего
 Не было здесь и нет!

Мы обживаем заново
 Тундру мою.
 Вгляни.
 Видишь, как бьют фонтанами
 В полночь ее огни?

Клубы гремят оркестрами –
 Юность справляет бал.
 Кто эту землю пестует,
 В жизни не тосковал!

Здесь он живет, не жалуясь,
 Весел, здоров вполне...
 Пусть же сюда пожалует
 Тот, кто не верит мне.

РОДИНА

Это руки родных матерей,
 На которых играли мы в ладушки,
 И походы за сорок морей,
 Вдохновенные сказками бабушки.

Это просто луга за рекой,
 Где впервые работал до вечера,

И березонька та, под какой
Ты в любви объяснялся застенчиво.

Это братья твои и друзья
И могилы солдат безымянные.
Это попросту все, что нельзя
Заменить чужеземными странами.

ЛИСА

Билась ночь она бесполезно,
Кровью снег запятнав кругом.
Было б можно – капкан железный
Проглотила бы и – бегом
Через рытвины и сугробы,
По низинам, сквозь чернотал...
И она поняла, должно быть,
Что металл – он и есть металл.

Он режет и жжет, как пламя...
Но и тут она не сдалась,
И, свернувшись в калач, зубами
Молча в ногу свою впиалась.
И, свободная,
Свое тело
Сквозь снега понесла в леса...
И навстречу ей полетело
Солнце, рыжее как лиса...

ДЕРЕВЬЯ

Сколько же деревьев
Здесь, в лесной глуши!
Все они при этом
Чем-то хороши.

Все нужны – береза,
Елка и сосна.
Что сказать, осина –
Да и та нужна!

Ложку на рыбалке
Где найдешь подчас?
Сделай из осины –
Будет в самый раз!

Польза есть от липы,
Клена и сосны...
Если бы все люди
Были так нужны!

ЛОСЬ

Бродил он, лось, могучий, длинноногий
И нес по семь ветвей на каждом роге.

Меня он видел, стоя под рябиной,
Но лакомился ягодой любимой.

А у меня в стволе сидела пуля,
Его неумолимо карауля.

Но не стрелял я – лось взглядом мерил.
А лось... он в доброту мою поверил...

ДЕВОЧКА С КОСИЧКАМИ

Помнишь ли, как с песнями
Шли из школы вместе мы?
С выпускного вечера
Нас вела весна...
Кажется, недавно я
Был с тобою, славная
Девочка с косичками
С парты у окна.

Помнишь, как мы спорили?
Как мы над историей,
Физикой и химией
Бились допоздна?...
Как с работой первою?
Устаешь, наверное,
Девочка с косичками
С парты у окна?

Помнишь, как гармоника
Вальс играла тоненько,
Как со мной кружилась ты,
Радости полна?
Где теперь находишься,
С кем сейчас ты водишься,
Девочка с косичками
С парты у окна?

Но в ответ – молчание...
Я теперь в отчаянье,
И боюсь, что встреча уж
Нам не суждена...
Только не забуду я,
Только помнить буду я
Девочку с косичками
С парты у окна!..

СТРАШНЫЙ СУД

Я не верю в бога,
Не молю о чуде:
Праведно и строго
Судят сами люди.

Люди, перед вами
Буду я в ответе:
Какими делами
Славен я на свете?

Здесь не отмахнуться...
Я умру, и, может,
Люди усмехнутся:
“Помер?... Ну и что же?..”

И со мной проститься
Лишь родня прибудет...
Страшный суд свершится,
Самый страшный, люди!..

О БОГЕ

Такие есть.
 Бог нужен людям этим.
 Ну что ж, пусть будет, раз хотят они.
 Но только пусть живет он на том свете,
 А чтоб на этом – боже сохрани!

Мы взмыли в космос и проникли в атом.
 А бог, он нужен лишь тому, кто слаб...
 На одного молились мы когда-то
 И не желаем слышать: “божий раб”...

В ОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Мы вошли в деревню
 Летним днем погожим
 И не повстречались
 Ни с одним прохожим.

В избах нет хозяев,
 И замков здесь нету,
 Лишь в дверные кольца
 Прутики продеты.

Только для порядка
 Прутики вот эти,
 Да еще чтоб в двери
 Не врывался ветер.

Заглянули в окна –
 Можно подивиться:
 Был бы вор, нашел бы
 Чем здесь поживиться!

Только здесь такого
 Не было и нету, –
 Тут любой и каждый
 Трудится с рассвета.

Потому в деревне
 Летним днем погожим
 Мы не повстречались
 Ни с одним прохожим...

* * *

Своды леса в предзакатном пламени,
 пенье птиц. Торжественная грусть.
 В лес вхожу я, словно в храм оставленный,
 молча, даже кашлянуть боюсь.

Как привычно здесь душа свыкается
 с первозданным миром тишины.
 Даже веки слышно как смыкаются,
 токи крови слабые слышны.

Да еще от дуновенья беглого
 дух сосновый – жаркая смола...
 И узнаешь: нет в тебе и не было
 даже самой малой капли зла...

* * *

Нож охотничий в кожаных ножнах
 я храню с незапамятных лет.
 С ним когда-то по тропам таежным
 на топтыгина хаживал дед.

Закаленный березовым жаром
 и студенной водой родника...
 Не хвалюсь ни отточенным жалом,
 ни горячим отливом клинка, –
 берегу...
 Покупатели были.
 Станный вышел бы тут оборот:
 вроде как бы мой паспорт купили...
 Кто ж когда паспорта продает?

* * *

*Игнатию Попову, старшему лесничему
 Печоро-Илычского заповедника*

Есть в мире край, зовущий с давних пор.
 Приедешь – в сердце горе утихает.
 Сплавляет иву свежую бобер,
 и хариус на быстрине играет.

В скалу крутую старый кедр врос,
 там соболь шишки щелкает, играет,
 и, пробуя кувшинки, чуткий лось
 по мелководью шумно пробегает.

Вода темнеет ночью под скалой,
 водоворотом дышит терпеливым.
 Не знаешь ты, есть там ли кто живой,
 и семга, отвечая, грянет взрывом.

Предутренний тускнеет оком,
 и ветер долгий утихает вяло,
 и осерчает филин перед сном,
 заухает угрюмо и устало.

Садимся в лодку и берем шесты,
 берем мотор на всякий скверный случай.
 Махая нам крылами с высоты,
 плывет орлан, соперничая с тучей.

* * *

Торчит топляк!
 Он раньше елью был.
 Но кто-то (не раздумывая, что ли?)
 ее спилил
 и сучья обрубил
 (притом натер, наверное, мозоли).

Теперь – топляк.
 А вон невдалеке
 еще один (неужто непригоден?),
 еще, еще –
 их много по реке,
 смотри, считай, плывя на теплоходе.

...Себя за упущения корим,
 но оправданий тоже есть немало.
 “Рук не хватает”, –

часто говорим,
а ведь когда рубили –
рук хватало.

СЕРАФИМ ПОПОВ

ПОЮЩИЙ ДОЖДЬ

Кто выдумал, что дождик плачет?
Нет, он не плачет, он поет!
Смеясь, поет о том, что начат
весенних дел круговорот,
что лес надумал пробуждаться,
что влагою полны снега
и что хотят освободиться
от льдов речные берега...

А летом дождь тебя разбудит:
– Скорей, – шепнет, – беги туда,
где в море трав ныряют люди,
где начинается страда,
где на покосе взмокнули спины
сто раз, пока придешь домой,
и чем труднее день твой длинный,
тем легче будет жить зимой...

А осенью, когда не жарко
и не балует солнце нас,
нам дождь поет про счастье жатвы
и про веселых свадеб час...

Кто выдумал, что дождик плачет?
Нет, он не плачет, к нам придя:
кто это выдумал, – тот, значит,
не понял сущности дождя.

Но тот, кто чутко понимает
язык природы, – тот поймет,
что дождик плакать не умеет –
что он поет, всегда поет!

ГИМН ЗВЕРОБОЮ

Не красотой он прославлен – делами,
цвет зверобоя, ведун-чародей!
Север вообще не кичится цветами,
этот – воистину скромных скромней.

В веке дремучем Кашеева царства
жил наш народ в безкультурии и мгле,
и ни врачей, ни аптек, ни лекарства
не было вовсе на Коми земле.

В битве за жизнь драгоценная ставка –
тайна сокрытых в природе даров...
Люди собирали целебную травку
с желтыми пуговичками цветов.

Помню, ее добывал я для деда.
Дед над настоем в печи колдовал,
что, отгоняя все хвори и беды,
силы угасшие в нем воскрешал.

Может, и я б сократил свои годы,
если б траву не настаивал ту:
горький напиток – подарок природы –
химии модной всегда предпочту!

Пусть не чарующие красотой –
данные нам для продления годов, –
славлю стихами пучки зверобоя
с желтыми пуговичками цветов.

Видя в лугах его –
там, где брожу я
в редкие отдохновения часы, –
голову вскинув, у неба прошу я:
пусть для него не жалеет росы!

ЮНОСТЬ

Хоть полнос, говорят, души не греет,
тебе и здесь – любить,
смеяться,
петь...
Дыханье на морозе леденеет,
но песне юной – не заледенеть!

Препятствия для юности желанны,
она не станет отступать и тут...
Была бы вечно тундра первозданной,
когда б ее не отогрел твой труд!

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Как было бы над тундрой темно,
когда б не эта прелесть ледяная!
Кольшется, колеблется оно,
переливаясь и переплетаясь...

Загадочный, инопланетный свет!
Все звезды побледнели в изумленье:
ночам морозным в целом мире нет
причудливей, прекрасней украшения!

Познавши свет, ты не полюбишь тьму...
Сравнив явления, истину познай-ка:
теперь мне телевизор ни к чему –
вмиг краски все твои поблекли, “Чайка”!

НОВЫЙ ГОРОД В ТУНДРЕ

*В Усинске будет проживать 50 тысяч человек.
(Из газет)*

В том краю, где небосвода
не увидишь по полгода, –
как возник он так счастливо?
Все понятно: это – диво.

В том краю, где вьюга воеет,
истребляя все живое, –
появился он откуда?
Все понятно: это – чудо.

Городок – за той чертою,
где навеки мерзлотою
скованы земля и небо?
Это – сказка! Это – небыль!

Нет, не сказка, хоть и диво,
только, коль судить правдиво,
бог-то на такое чудо
не отважился покуда!

Верно, смотрит бог, дивится:
“Если я не мог решиться,
как же люди-то решились?
Что ли разума лишились?”
Вот и нет, скажу по чести:
и мозги у них на месте,
и притом – стальная воля
и счастливейшая доля!

Ах, зачем же стал я старым,
маломощным и усталым,
растерял былую удаль
и ни газ, ни нефть, ни уголь
добывать уже не властен?

А какое было б счастье
приготовить сердце к бою,
чтоб сражаться с мерзлотою
и, Усинск потомкам строя,
встать бойцом в могучем строе!

Город силу набирает,
на пустыню напирает –
на пустыню ледяную:
“Здесь сто улиц протяну я!
Широко открыв объятия,
буду души согревать я,
ибо Северным сияньем
не согреть при всем желанье!”

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Зорьки вешние сгорели,
отпылав
до сроку.

По лугам брожу без цели,
снова
одинок.

Тороплюсь на берег,
нежно
мила друга клича...
Хоть и широка ты, Эжва, –
шире
грусть девичья.

Долго ли с тоской щемящей
припадать мне
к окнам?
Что тебе мешает чаще
приплывать
в село к нам?

Коль помеха труд твой страдный,
что же –
не робея,
вплавь, мой милый, ненаглядный,
доберусь
к тебе я...

АЛЬБЕРТ ВАНЕЕВ

МЫ – СЕВЕРЯНЕ

Мы, Севера люди,
Не очень-то любим
Вскипать по страстишкам пустым.
Без хмеля не бродим,
Без корня не всходим,
Нет крыльев – летать не спешим.

Нам речи пустые
Давно уж постыли –
Что драть с сухостоя мезгу!¹
Вот если что к делу,
Тут скажем мы смело,
Язык не застудим в снегу.

¹ Мезга – кора.

Подняться – так в бурю,
 Вспылить – так не сдуру,
 А бить кулаком – так всерьез.
 От лесты не таем,
 В беде не скисаем,
 Не всяк охладит нас мороз.

Добро не забудем,
 А погань остудим,
 Нас встречным не сдуть ветерком.
 А гостю мы рады –
 Приветим как надо,
 Не кинем в реке островком.

Костер потеплее
 Да друг повернее –
 Как хлеб нам в нелегком пути.
 ...Но, Севера люди,
 И мы не забудем
 Соседям на помощь прийти.

КЛЕСТЫ

Бывает и на Севере тепло,
 И птицы заливаются-поют...
 Но вот, птенцов поставив на крыло,
 От осени они летят на юг.

Остаться нет ни мужества, ни сил.
 Они летят. Ну что ж, до новых встреч!
 Они летят, чтобы от жестких зим
 Серебряные песни уберечь.

Когда кружат последние листья
 И стыннут приумолкшие леса,
 Лишь старожилы верные – клесты
 И на зиму не гасят голоса.

Когда по елям ухает мороз,
 Когда метель метет во все концы,
 Назло зиме в прогретых недрах гнезд
 Выводятся горластые птенцы.

Поют клесты в завьюженных лесах!
 И потому нам чувствовать дано,
 Что в немудреных этих голосах
 Скупое наше лето продлено.

У летних птиц репертуар богат,
 А у клеста мелодия проста.
 И все же нам дороже во сто крат
 Зимующая песенка клеста.

Ведь знают все, что летом и весной
 Чего ж не петь, когда вовсю поется!
 Нам слаще песня зимняя. Зимой
 Не каждой птахе песня удается.

САМОДЕЛЬНАЯ ДУДКА

Не буду охавать доли своей,
 Хоть ветры порой не ласкают:
 Чужого не надо, свое мне родней –

На собственной дудке играю.

Не всяк меня в лужу посадит, ей-ей,
 Не каждый меня оседлает:
 Чужого не надо, свое мне родней –
 На собственной дудке играю.

Завистником я не слышу меж друзей
 И лошадь свою запрягаю:
 Чужого не надо, свое мне родней –
 На собственной дудке играю.

Не прячу желаний своих от людей
 И цели в тени не скрываю:
 Чужого не надо, свое мне родней –
 На собственной дудке играю.

Прожить бы на свете других не глупей,
 На разум пока не пеняю:
 Чужого не надо, свое мне родней –
 На собственной дудке играю.

ГОЛУБИ

Где-то за далями
 В тучах есть проруби...
 Где пропадали вы,
 Сизые голуби?

Люди обидели?
 Вы им не верили?
 Долго не видели
 Мы вас на Севере!

Может быть, выюжные
 Ночи студёные
 Гнали вас в южные
 Дали зелёные?

Где-то за радугой
 Добрые улицы?..
 Сердце мне радует
 То, что вернулись вы.

Люди недаром
 Вскинули головы.
 Над Сыктывкарком –
 Голуби, голуби...

Легкие, ладные...
 По-над карнизамы
 Высы прохладные
 Вами пронизаны.

Как ни стараются
 Дни непогожие,
 Вам улыбаются
 Щедро прохожие.

Это ж событие!
 С детских ладошек
 Смело берите вы
 Золото крошек.

Все мы решили
Укрыть вас от горестей...
Даже машины
Умерили скорости.

Не испытаете
Злого вы голода.
Не улетайте
Из нашего города!

ИВАН КУРАТОВ

КОМИ ЯЗЫК

Правда, слов высоких
Мой язык не знает,
Но и то я знаю –
Все не болтает.

Нежный и красивый,
Дорогой и звучный –
Бог простит грехи мне,
Коль на нем молюсь я!

Мои сестры, братья
Все на нем мечтают,
И на нем добра мне
Мать с отцом желают!

Наш язык я слышал
С колыбелью милой,
Видно, и забуду,
Лишь сойдя в могилу.

Красотой своею
Сердцу он открылся –
И на нем я первый
Вслух запеть решился...

Пусть другие громче
Запоют за мною –
И услышат коми
Многое родное!

* * *

Коми речь! Не спорь, родная,
Терпелива ты, я знаю...
У стихов узор милей,
Проза как-то тяжелей...

Ну-ка, рифмою крылатой
Свяжем строчки да лопатой
Перекинем за ворота, –
Может их поднимет кто-то...

Говорят, язык мой дик:
“Ну, какой же он язык!
Чахнет, не успев развиваться.
Кто же петь на нем решится?..”

Коми так иль русский скажет, –
Глупость лишь свою покажет!

ВИКТОР КУШМАНОВ

РОССИЯ – РОДИНА ПОЭТОВ

Россия – кладбище поэтов,
Кто знает, сколько их легло
От клеветы и от наветов,
Не дописав своих стихов.

Россия – родина поэтов,
То среди гусар, то среди крестьян
Их находили пистолеты
Однажды в утреннюю рань.
– Убит поэт! – строфа кричала.
А кто-то праздновал тот миг.
А баба русская рожала
Взамен убитого двоих.
И подымалось солнце красное
На куполах колоколов.
И становилось все опасней
И все прекрасней от стихов.

И.А.КУРАТОВУ

Роса уже тогда была росой,
 Река уже тогда была рекой,
 Леса – лесами, дом – родным был домом,
 А коми песни – были песни коми.
 Они без слов бродили – словно ветер...

На свете не было поэта.
 Представить трудно – не было поэта!
 Выходило солнце утром без поэта,
 И умирали люди без поэта,
 А родина у них уже была,
 Но не было у родины поэта...
 Как женщина бесплодная, пуста,
 Земля лежала мертвой и непетой,
 Трава росла – непетая трава,
 Земная красота была мертва.
 Березы руки белые тянули,
 Молили небо: дайте нам поэта.
 У молодой крестьянки ныла грудь,
 Огнем горела молодая грудь,
 Она мечтала о любви великой,
 Готовая для самой высшей тайны,
 Она молилась тайно
 Березам, звездам, полевым цветам:
 “Дай мне, земля, любви,
 Я дам тебе поэта...
 А он тебя, земля моя, восславит,
 И доброту твою, и красоту,
 Твои страдания в слезы перельет,
 В живые слезы твоего народа,
 Его бессилье сделает он силой.
 Что родина без своего поэта?
 Народ безмолвный – это не народ”.

МОЙ ДРУГ ВОЛОДЯ ГЛЕБОВ

Мы рифмовали:
 “Облака – река”.
 Река в кувшинках,
 Златокудрых ивах
 Была,
 Как стихотворная строка,
 Таинственна,
 Блестяща и красива!

Казалось нам,
 Стихи спасут от бед.
 В тот год в детдоме
 Не хватало хлеба...
 И умирал
 Детдомовский поэт
 От голода – мой друг
 Володя Глебов.

Писал он так:
 “Мне снился теплый сноп,
 Я шелушил колосья
 Осторожно,
 Мне снился наш родимый
 Детский дом
 И у окна, как сестры,
 Три березы...”

Он говорил:
 “Меня не позабудь,
 А я тебя уже
 Не позабуду...”
 Мы шли травой,
 Трава была по грудь.
 И я сказал:
 “Тебя я помнить буду...”

Он прожил на земле
 Двенадцать лет.
 И написал
 Одно стихотворение,
 Но, знаю я,
 Он был большой поэт,
 На весь детдом
 Единственный, наверно!

ЖЕНСКАЯ ПЕСНЯ

В Архангельской области, где-то под Вельском,
 Где гул паровозный упал на леса,
 Где рядом с волнушкой растет сыроежка,
 Где рыжики рыжая топчет лиса.

Где груздь покрывается палой листвою,
 Где дождик проплакал всю землю насквозь,
 Там, в тихой избушке, над ржавой тоскою
 Нежданную радость изведать пришлось.

Обнявши за шею прекрасной рукою,
 Мне женщина пела про небо и рожь,
 И все пропадало, лишь гром за рекою,
 Да чувство такое, что вправду живешь.

Совсем молодая в мужской телогрейке,
 Жизнь ее с юности – лесоповал...
 В Архангельской области, где-то под Вельском,
 Я женскою песней сражен наповал.

Глаза голубые лесной голубики,
 Из-под косынки желтеет коса...
 Где рыжик и груздь первозданный и дикий,
 Где шаг от крыльца – и грибные леса.

Далеко-далеко – измерить лишь сердцем, –
 В Архангельской области, где-то под Вельском,
 Где родина женщин, пропавших отцов,
 Где женская песня и Коля Рубцов.

МАТЬ

Я оглянулся... В полумгле
 Мой след терялся в снежной мути.
 И было пусто на земле,
 Мерцающей, как капля ртути.
 Темнел заснеженный стожок,
 И на шесте стога – сорока...
 И понял я, что одинок,
 И эта мысль была жестока.
 Что я оставил за спиной,
 И что растаяло во мраке?
 А там остался дом родной

С черемухой на дне оврага.
 Осталась мать, уже навек –
 Ей было только двадцать восемь.
 Сто раз могилу прятал снег
 И тридцать раз скрывала осень.
 – Чего еще не вернуть? –
 Я крикнул в мглу родного края. –
 Кого еще мне так любить,
 В слезах к коленям припадая?
 Я оглянулся, и опять
 Душа моя перевернулась.
 Но я успел увидеть мать:
 Она сквозь слезы улыбнулась.

* * *

Говорил я рыжей,
 Перезревшей в девках:
 – Я хочу, чтоб рыбы
 Долго жили в реках.

А где синим оком –
 Озеро, где ели...
 Пусть бы жили долго
 Волки и олени.

Чтобы в чаще тихой,
 Веткой теребя,
 Лось сказал лосихе:
 – Я люблю тебя.

Рыжая зарделась
 От своих же слов:
 – А у нас в деревне
 Нету мужиков.

ОСЕНЬ

Брызнет клюква красным соком
 С желтых кос берез.
 Ты у осени под боком
 Жмешься к ней, как пес.

Поцелую тихо, чисто
 Сквозь печаль и тлен.
 Сквозь рванье опавших листьев
 Дождь твоих колен.

Где твоё ржаное поле,
 Жаворонков звон,
 Деревенских девок скромных
 Безмятежный сон,

Крепкогрудых, синеглазых,
 В солнечной тоске.
 И не тронутых ни разу
 До сих пор никем.

Все ушло под трав веселье,
 Песен вздох и стон.
 Осень льет мне на похмелье
 Листьев самогон.

Льет на крыши, бани, озимь,
 На леса, поля...
 Ах, какая осень, боже,
 Как любовь моя.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Не шейте прекрасное платье,
 А то будут плечи видны.
 Не шейте прекрасное платье –
 Недалеко до беды.

Ваше блестящее платье
 Цвета ваших волос
 Сегодня особенно кстати,
 Для взгляда, что нежно раскос.

Оно, как ушедшее лето,
 Оно, как сентябрь, что придет.
 И вы, посередине там где-то,
 И это вам очень идет.

Ах, жалко – окончился праздник,
 Как было вам платье к лицу!
 Другую – в застиранном платье
 Он подведет к венцу.

Пусть дремлют горячие губы,
 Пусть студят их снег и вода.
 Того, что не сбылось – не будет,
 Уже никогда, никогда...

Отрежьте рыжие косы,
 Сядьте к окну – за шитье.
 Отдайте сестренке-подростку
 Роскошное платье свое.

ЖЕНА О МУЖЕ, НЕ ВЕРНУВШЕМСЯ С ВОЙНЫ

Вы, травы, что не спите,
 Все маетесь со мной?
 Давным-давно убитый.
 Мой милый, как живой.
 Войдешь в избу тихонько,
 Смахнешь с лица слезу.
 Ты спишь в чужой сторонке.
 А я еще живу.
 Уже с лица другая,
 Совсем другая я.
 Твоя, а не чужая.
 По-прежнему твоя.
 Чтоб было мне не страшно,
 Одной жить на земле,
 Со старых фотографий
 Ты улыбнешься мне.
 Красивый, синеглазый,
 Веселый, молодой
 За сколько лет ни разу
 Не написал домой.
 В кого ты, милый, веришь,
 Кого ты, милый, чтишь?
 Целую эту землю
 За то, что в ней лежишь.

МАТЬ В ГОСПИТАЛЕ У СЫНА

1945 год

Я зажгла для тебя звезду,
 А ты не просил зажигать.
 Я постелила тебе траву,
 Где в детстве любил ты лежать.
 Я попросила печь затопить,
 День был сырой от дождя.
 А ты прошептал, что не хочешь жить,
 Светлая радость моя.
 Я принесла тебе молока,
 И попросила: пей!
 А ты отвернулся, махнул рукой,
 Самый родной из людей.
 Я раны твои исцелю до одной,
 Сказала тебе, моля.
 А ты отвернулся, махнул рукой,
 Ты не узнал меня.

* * *

Холодная вода,
 пропахшая цветами,
 Да дальняя звезда
 над чистыми лесами.
 Стекланный звон осин,
 озябшая рябина,
 Озер печальных синь
 из ситца и сатина.
 Ни дыма, ни жилья,
 ни ведьмы, ни шамана,
 Но это грусть твоя
 и родина, Кушманов.
 Трава, деревья... Крик
 Всех журавлей – далекий.
 Шепчу себе: старик,
 Ты самый одинокий.
 На землю упади
 в колючий можжевельник
 И душу отведи,
 бродяга и бездельник.
 Под свой неслышный вой
 целуй траву и листья.
 И снова, дорогой,
 живи. Светло. И чисто.
 Живи, когда в душе
 и путано, и сложно.
 Живи, когда уже
 И жить-то невозможно.

* * *

Пеньем птиц на все голоса,
 Шумом рек
 И весенними ливнями
 Бесконечные
 Коми
 Леса
 Переходят в леса России.
 Незаметны границы любви,
 Удивления, грусти и радости –
 Снег любимой коми земли
 На родимую
 русскую

падает!
 Мне об этом
 хочется петь
 Тихой ночью,
 от инея белою...
 Как и в детстве,
 я в коми избе
 Слышу русскую
 колыбельную.

* * *

Север – тихая печаль.
 В сладкой горечи тумана
 Он заманит без обмана
 В очарованную даль.
 Север мил, как младший брат,
 Молчалив и тих, как старший,
 Мне бежать за ним не страшно
 В золотой его закат.
 Вот уже деревья ниже,
 Травы тише, даль светлей –
 И душа все ближе, ближе
 К вечной родине моей.
 Ах, зачем, как из винтовки,
 Бьет безжалостно в висок
 Материнской желтой кофтой
 Одиночество осок?
 Но, как в детстве, скажет:
 “Витя”, –
 Дождь, березами шурша,
 И подаст на стол бруснику,
 Чтоб оттаяла душа.

**ПО ПОВОДУ ЗАКУПКИ КАРТИН С ВЫСТАВКИ
 ХУДОЖНИКА ЕРМОЛИНА**

Печалиться особых нет причин,
 Сегодня на особой церемонии
 Идет закупка с выставки картин
 Известного художника Ермолина.

Весь выставком сидит в рубашках белых –
 Его друзья, приятели, коллеги,
 Без шуток, а как следует, всерьез,
 Оценивают луг в ромашках спелых
 И дождь, скользящий по листе берез.

Этюд. Он оценен в полста
 Рублей. Обыкновенных денег.
 А вот еще этюд. Места
 Знакомые. Под Сыктывкаром где-то...

Летящий снег над родиной моей.
 Изба. Крестьяне. Их простые лица.
 И снова скажут – 50 рублей.
 Этюд хорош, исполнен, скажут, чисто.

В такую сумму оценен и дождь,
 Прозрачный дождь, который поит злаки,
 Но до того был свеж он и хорош,
 Что сам этюд потребовал добавки.

– Вы посмотрите, как здесь пойман свет!
 Весь худсовет на миг
 забыл расценки...
 А за селом летел бесценный снег,
 Бесценный снег и потому бессмертный!

Летел на крыши без слезы и боли,
 Летел он ослепительно светло,
 Казалось, что его старик Ермолин
 Переписал с этюда своего.

ДЕРЕВЕНСКАЯ СВАДЬБА

Одна из загадок
 Поэзии –
 Деревенская свадьба.
 Невеста –
 Не просто невеста,
 А что-то чистое,
 Составленное, допустим,
 Из шума берез,
 Зреющей ржи,
 Ночной фиалки
 И белого облака.
 Жених – увалень,
 Потерявший дар
 Речи, что-то среднее
 Между рыбой
 В воде,
 Соломой
 И черным, хорошо
 Испеченным
 Деревенским хлебом.

ИЗ КОМИ ФОЛЬКЛОРА

Сидел медведь и плакал
 И в темноту глядел,
 Где лаяла собака
 И где огонь горел.

И он пошел в деревню,
 Измученный душой.
 Он постучался в двери
 И тихо в дом вошел.

Вошел, а в этом доме
 Идет веселый пир,
 В огне, в котле огромном
 Охотник суп варил.

Медведю стало страшно,
 Лишь выдохнуть он смог:
 – Вы варите не мясо,
 А сына моего.

ДИАЛОГ

– Мама,
 Какие глаза у березы,
 Когда на заре стоит
 она, не дыша?

Когда утопает в снегу
 у колхозной дороги,
 Какая, мама, у березы душа?
 Какая в ветвях ее песня таится до срока?
 Какая печаль утопает на дне ее глаз?

Мама, скажи мне, о чем тараторят сороки,
 На голые ветки белой березы садясь?

– Сороки, – ответила мать, – белобоки,
 Дети белой березы – эти птицы-сороки.

– А разве березы
 Рожают детей?
 – Рожают, рожают,
 Спи, дуралей!

ЮРИЙ ИОНОВ

* * *

Я выбью на машинке дробь стихов;
 сосед ковры за стенкой выбивает
 едва ли не от третьих петухов
 и до полудня – иногда бывает.
 Внушу я с ветром запахи лесов
 в свой угол безо всякого убранства.
 А за стеной стремится пылесос
 трехкомнатное всасывать пространство.
 Мне за окном синица – “треньк” да “треньк” –
 свою послушать песню доверяет.
 А за стеною слышу: “звеньк” да “звеньк” –
 опять сосед хрусталь перетирает.
 Вновь дыбит электричество стихов
 и бороду мою и шевелюру.
 Нахохлясь в обрамлении мехов,
 плывет соседа грузная фигура.
 Нашел в стихах я дивный поворот:
 стучи, машинка, в барабан удачи!
 Сосед машину вывел из ворот
 с навьюченным багажником – на дачу.

Так день за днем, с утра и до утра,
 живя в соседстве, движемся к итогу:
 сосед накопит всякого добра,

и соберу я книжку понемногу.

* * *

Высокая костистая старуха,
как будто проглотившая аршин.
Она не потеряла бодрость духа,
хоть лет ей – девяносто с небольшим.
Немного, правда, взгляды изменились:
надев полумонашеский убор,
вымаливать и дальше божью милость
спешит она к заутрене в собор.
А на расспросы отвечая, скажет,
когда уж возвращается домой:
“Чапаева? Конечно, знала, как же!
Я у него служила ездовой;
да только, как пошли мы с ним к Уралу,
вот словно бог сподобил снова: +
здоровая дотолле лошадь пала,
вернулась я с дороги и – жива.
А сам он, да и многие – погибли...”
Старуха дальше застучит клюкой,
под отзвуки в ушах церковных гимнов
шепча:
“Василья, боже, упокой!”

...Священна для нее Христова вера;
но даже и священный тесен мир:
путь в церковь – по Чапаевскому скверу,
где встал ее скульптурный командир.

БАЛЛАДА О ПАМЯТНИКЕ

*Памяти основоположника коми литературы
Ивана Алексеевича Куратова, умершего от
чахотки в Туркестане, посвящается.*

Достоевского вспомнив, наверное,
брат его по перу и цепям,
полковой аудитор из Верного
колесил по казахским степям.
Там – проверка, там – суд или следствие,
на ходу распухают дела.
Он оставить не мог без последствия
исхищений чиновного зла.

Подступали чахотки мучения,
и, не зная, быть может, о ней,
губернатор давал поручения
что ни день, то сложней и сложней.

Но одно лишь – особенно памятно –
неотступно стоит в голове:
ведь подписку на пушкинский памятник,
что хотели поставить в Москве,
поручил губернатор Куратову,
кандидата достойнее – нет.
Он честнее других, аккуратнее,
ну, а главное – тоже поэт.

Пусть ему туркестанские вороны
не судили – как Пушкину – жить,
лестно к пушкинскому
рукотворному
руку к памятнику приложить.

Не цветы принесет он учителю –
вложит камушек в постамент:
разве есть порученье значительной
для Куратова в этот момент?

В то, что дни сочтены, все не верится,
все мечтается: “Доживу!”

Но приехал посланцем от верненцев
только сам губернатор в Москву,
где толпа очарованных странников
собралась на бульваре Тверском.
И из двух туркестанских изгнанников
был один Достоевский при том.

А Куратов, ушедший до времени,
спал в могиле оттуда вдали
и вдали от родимого племени,
от воспетой поэтом земли.

...Эти песни над пармой полощутся;
и, задумчиво слушая их,
озирает он, бронзовый, с площади
Сыктывкар – город внуков своих.

* * *

Еще ученым нужно долго
рассчитывать слиянье рек,
а я уже Печору с Волгой
связал – обычный человек.

В Печоре вымокший по пояс,
бросал я к осени багор,
и вез меня московский поезд
к подножью Жигулевских гор.

То возвращался я к истоку,
стремился к родине опять,
путем, каким бы шли потоки
Печоры, обращенной вспять.

Мой путь не только лишь на карте
чертой условной пролегал,
не только значился в плацкарте
и семафорами мигал, –
по рельсам, то росисто-волглым,
а то в седой степной пыли,
соединив Печору с Волгой,
со мной стихи мои текли.

И, уроженец пугачевский,
живущий в северных снегах,
я слышен был то на печорских,
а то на волжских берегах.

Еще ученым нужно долго
рассчитывать слиянье рек,
а я уже Печору с Волгой
связал – обычный человек.

* * *

Листва деревьев – книга лета,
и в ней ты можешь прочитать,

как, вешним солнцем подогрета,
она в апреле начата;
как бурно набухали почки –
еще черновики листов,
и лезли клейкие листочки
почти с изяществом цветов;
как, обостренно понимая
любовь,
с разлукой не мирясь,
они от гроз в начале мая
влюбленных прятали не раз;
как, вырвавшись из плена классов,
из плена стужи и снегов,
тянул к ним жадно руки в кляксах
июньский бал выпускников;
и как в безоблачном июле,
устав от праведных трудов,
под ними славно отдохнули
питомцы душных городов;
как становился беспокойней
у книги лета листьев пульс,
и август их трепал, как школьник,
уже прошедший лета курс;
как сдал сентябрь букинистам
их порыжелые тома,
упавшие дождем огнистым
на тротуары и дома.

* * *

Цветник, ты был плохой оранжерей,
метельному открытй сквозняку,
и ноготки теперь оранжевеют,
как бедствия сигнал, светясь в снегу.

И брезжит грусть в замерзшем этом цвете,
манящем сквозь поземки белый дым.
Они уснули, думая о лете,
пусть непробудным сном, но золотым.

* * *

По-разному принято жизнь проживать,
и более чем у полмира
издревле “любить” означало – желать
любимого друга-кумира.

Но часть человечества столько же лет
любовь понимает иначе:
“любить” на Руси означает – жалеть,
лелеять до самоотдачи.

“Жалеть” и “желать” – так созвучны слова,
всего переставлены буквы.
Одно – добротой не сочтется едва,
другое – от страсти набухло.

* * *

...Я Веру возносил без меры,
приравнивая к божеству,
и думал: коль погибнет Вера,
едва ли я переживу.

Навек она смежила вежды.
Тогда я стал Надеждой жить:
не дай-то бог – уйдет Надежда,
мне этого не пережить.

Но та и впрямь ушла с годами,
исчезла в дымке голубой.
В отчаянии загадал я:
умру, когда предаст Любовь.

И вот молюсь одной богине,
какую Жизнью я зову.
И если Жизнь меня покинет,
я вправду – не переживу!

* * *

То ль между нами магнетизм какой –
между иною женщиной и мною?
Вот жизнь столкнет на улице с такой,
с которою не виделся давно я,
с полузабытой в общем-то,
с бывлой
соседкой иль знакомою по службе,
иль очень юной или пожилой,
С какой не мог я быть в особой дружбе, –
и – улыбнется, головой качнув,
загадочно и мудро, как Джоконда.
Как будто бы, плечом к плечу прильнув,
душой к душе – мы шли по жизни годы.

То ль я – хотя совсем не сердцеед –
какое-то внушил им обаянье;
то ль это сердца женского ответ
на прошлое соседское вниманье?
Не знаю.
Но приятно станет вдруг,
куда-то отодвинутся невзгоды.

Ведь если близких не было подруг,
есть женщины с улыбками Джоконды.

* * *

Я знаю: если упаду совсем,
меня друзья честь честью похоронят,
жена чужая на виду у всех
в могилу слезы горькие уронит.

И на поминках людям сообщат,
что образ мой им будет вечно милый,
что памятник поставят сообща
и сообщца присмотрят за могилой.

К чему мне ваш уход среди камней?
Среди людей я прожил не ухожен.
Пусть лучше кто-то помнит обо мне
иль вырастает на меня похожим!

ТРУДНЫЕ СЕЗОНЫ

(шутка)

Холод в доме – смогут жить
белые медведи.

– Надо зиму пережить, –
говорят соседи.

Сердце застучит в груди
в учащенном ритме:
– Как-то осень пережди! –
доктор говорит мне.

А едва ослаб мороз –
заболели десны.
– Это авитаминоз
отравляет вёсны!

Только, значит, оживу
с наступленьем лета.
А побольше проживу –
кончится и это.
Превратится вся-то жизнь
в трудную задачу:
надо лето пережить,
надо осень пережить,
надо зиму пережить
и весну бы пережить!..

Но живу, не плачу!

АНДРЕЙ РАСТОРГУЕВ

* * *

Тебя не надо воскрешать –
ты никогда не умирала.
За веком гунна
век вандала
не в новь
тебе переживать.
Пускай опять временщикам
пришла пора –
их трон непрочен.
Твоим обветренным щекам
не подставляться
для пощечин.
Во глубине сибирских руд,
в подвинской
и печорской чаше

земной неименитый люд
Руси
по-прежнему причастен.
И, причащен твоей судьбе,
Устав
от риторского треска,
он редко
молвит о тебе.
Но если молвит –
слово веско.
В полях,
путях
и городах
досе движение живое.
Темнеет множество рубаш
от пота ратаев
и воев.
Да разошлась
былая нить,
что воцеляла
и крепила.
Кому дано соединить
их расточаемую
силу?

* * *

Завет: без начертанной строчки
– ни дня.
Но долго ни строчки вослед
за первую книгой.
А люди меня
уже величают: поэт...
Приятно потешить
гордыню свою –
мгновения сладкие длю.
Но разве поэт,
если водки не пью
и матерных слов не терплю?
Сльву однолюбом,
по средствам живу,
а стало быть – вечная мель,
и сволочью сволочь
в глаза не зову,
и не предлагаю дуэль.
В моей родословной
немалый изъян
по милости века возник:
в родителях нет
ни крестьян, ни дворян,
выходит – ни песен, ни книг.
К назначенному
неизбежному дню
рубежных поэтовых лет
веревку в чулане своем
не храню,
тем более – пистолет.
Вне крика толпы,
но совсем не пророк,
глазное не светится дно.
И вылечить
этот врожденный порок
наверное, не суждено.
Но глядя
в неисповедимую даль,

отмерив начальную треть,
хотя бы на самую малую маль
к исходу
надеюсь прозреть.

(Из поэмы)

Ен выдумал
и вылепил мужчину,
а хитрый Омэль
женщину создал.
Она была невзрачная,
косая –
от зависти рождаются
прах и тлен.
Да пожалел ее
великий Ен,
живительным дыханием
касаясь.
Однако,
черна ворона черней,
иная сила в ней
передолила,
и дюжину
рожденных дочерей
она по слову Омэля
убила.
И почва, содрогаясь,
поглотила
ее
на пропитание червей.
Но в мире нижнем
сброшенному сметью
дается сила новая
во мгле,
и вновь они,
болезнями и смертью
оборотясь,
проходят по земле...
Мужчине одиночество
невместно.
он медленно теряет суть
и стать.
И создал Ен
прекрасную невесту,
и наказал
ее оберегать.

ВЛАДИМИР ТИМИН

* * *

Я и дома здесь и в гостях.
Печь погасла,
Но пышет жаром,
И лежит у меня в горстях
Колобок,
Исходящий паром.

Разломи колобок,
Не режь,
Да в топленое масло –
Славно!
Так до крошки
Его и съешь,
Позабыв, что поел
Недавно...

Ем и радости не таю,
Счастлив я,
Как ребенок малый.
Хлебу должное воздаю:
Сладок хлеб,
Испеченный мамой.

ОСЕННЕЕ

Милая сказала –
То ль сочтя мальчишкой,
То ль в своем Заречьи
Вовсе разлюбя:
“Реку перейдешь ты,
Ног не замочивши –
Лишь тогда я замуж
Выйду за тебя”.

Дни прошли, недели.
Все-то мне постыло.
Милая вдруг манит
Счастьем впереди –
Написала:
“Видишь,
Сысола застыла.
Уговор наш вспомни.

Жду я.
Приходи!”

ДМИТРИЙ ФРОЛОВ

* * *

Когда, любя, сплетаются в ночи
две пары наших ног, четыре страстных змея,
и языки сплетаются, немея,
как два огня двуязычной свечи,
когда в ладонях, словно две луны,
белеют груди с острыми сосками,
когда два сердца резкими рывками
взрывают гулкой воздух тишины,
когда, изнемогая и любя,
два гибких тела слиты воедино
и, умопомрачительно и дивно,
душа в душе забыла про себя,

тогда молчат Вселенная и Бог,
светила прерывают бег свой вечный,
и над судьбою новой, человеческой
склоняет звезды Мировой Чертог.

* * *

Мы вместе строили высокий этот храм,
великий храм словесного искусства!
Мы вместе собирали по дворам
полтины мысли и полушки чувства.

Калики переходные прошли
продольно, поперечно и окружно
по всем путям всея святой земли,
сбирая слово в жертвенные кружки.

И сотни лет трудились мастера
над словом. Так возводят постепенно
при помощи лесов и топора
бревенчатые башенки и стены.

Потом, когда мы слово возвели,
строение вершилось смельчаками –
и по-над миром солнечно взошли

чешуйчатые луковки на храме.

И, собиратель молний и дождя,
взлетел на крест петух!

Наш храм благословенный
построен без единого гвоздя,
но он – как гвоздь,
точней, он – Гвоздь Вселенной!

Иных святынь, небесных и земных,
не оскверним, хулою не измажем,
но, уважая храмы стран иных,
мы молимся искусству только в нашем.

Мы все на этот храм
сбирали по дворам,
здесь каждый стык
ласкали наши длани,
мы вместе строили
высокий этот храм,
и все мы в нашем храме –
прихожане.

ОКЛИКНОВЕНИЕ УСОПШИХ

(сдвоенный зеркальный сонет-заклинание)

Луна, как грудь кормилицы, полна,
и брызжет луч на темный лик планеты,
и впитывает зыбкий свет Земля.

Чу? Что это лепечет? Тополя?
Все сдвоенно, как в сдвоенном сонете.
Беременна волшебю тишина.

Мгновенье – и кресты раскинут руки,
раскинут звезды алые лучи,
сойдутся и обнимутся, как други,
в ночь полнолуния. Смотри – не закричи!

Встань на колени в сердцевину круга
и заклинанье предков прошепчи.
Но мертвым не показывай испуга:
они пока молчат – и ты молчи.

Но ужас не успеет вопля выдуть:
неяркий, словно пламя на свече,
промчится огонек. Из трещин выйдут
кто в белом саване, кто в темном кумаче.

И пусть они слегка ужасны с виду,
улавливая шелест их речей,
ты мелом начерти Звезду Давида,
но зачеркни крестами шесть лучей.

И саваны на землю упадут.
Предстанет пред тобой твой род нетленным.
И ты поймешь: в тебе одном дано

их бытие, они в тебе живут.
И с этих пор, скитаясь по вселенным,
ты никогда не будешь одинок!

ВАЛЕРИЙ ВЬЮХИН

ЗВОНАРИ

Когда-то под звон колокольный
Бунтовала голодная ярь,
Был в селе, в деревеньках околных
Не последней фигурой звонарь.

Вдохновенный, в холщовой рубашке,
Он звонил так, что гнулась трава,
И шептали бояре: “По плахе,
Ой, как плачет твоя голова”.

И ловили, в остроги сажали
Непокорных царю звонарей,
Чтоб они на грядущем пожаре
Не тревожили звоном людей.

Звонари, звонари!
Их безбожно травили,
И они исчезали с земли,
Но на их позабытой могиле
Колокольчики звонко росли.

ВЕЛИЧИЕ МИРА

Мир этот безмерно велик,
Но часто мы счастливы малым,
К примеру, букетом гвоздик
С кипением белым и алым.

К примеру, улыбкой жены,
Приветствием старого друга,
Спокойным дыханьем весны,
Удачным теченьем досуга.

Весь мир охватить не дано
Ни мыслью, ни чувством, ни взглядом.
Вселенная, словно панно,
Которое висит рядом.

Мы видим картины куски,
Как будто обрывки клавира,

И пишем на них от руки
Свое понимание мира.

Но можно так волю напрячь,
Что выделишь в гуле вселенной
Зверька беззащитного плач
И грохот машины военной.

И как не сорваться на крик
Пред тем, что откроется глазу.
Мир этот безмерно велик,
Но только не всем и не сразу.

ДОМ ХЕМИНГУЭЯ

Словно парусник, белый, печальный,
Этот дом на гаванском холме.
Вечерами не ставят здесь чайник,
И не светятся окна во тьме.

Опускается пыль невесомо,
Всюду сон, тишина и покой.
Словно съехал хозяин из дома,
Знаменитый, угрюмый, седой.

Со стены дорожную двустволку
Он азартной рукой не сорвет.
В кабинете пылится без толку
С неоконченной темой блокнот.

А при нем все тут было иначе:
Дом шумел, как весенний бульвар,
И летала на крыльях удачи
Белоснежная яхта “Пилар”.

Берега любившейся Кубы
Он печально и мудро воспел,
Да и сам, добродушный и грубый,
Знать, от соли морской поседел.

С фотографий, лицом не старея,
Он с тяжелым прищуром глядит.
Пусто в комнатах Хемингуэя,
Веет холодом с каменных плит.

И.А.КУРАТОВУ

Вижу я: среди зла и наветов
Ты с печальною музой идешь,
На российских опальных поэтов
Удивительно чем-то похож.

Пусть ты не был убит на дуэли,
Но не горше ли участь твоя:
Уродиться нежнее свирели,
И прожить, это в сердце тая.

И не мука ли с голосом певчим
Одиноко в полголоса петь,
Но душе твоей каяться не в чем,
И в полголоса надо суметь.

Содрогнется душа человека,
Чуть припав к твоему роднику,
Как ты шел от лесного наречья,
К высочайшему шел языку.

Как ты жил среди бурсацкого сброда,
Среди людей, что на песню глухи,
Как любовно ты душу народа
Перелил в золотые стихи.

Как в далеких степях Туркестана
От чахотки, а не от свинца
На рассвете однажды не стало
Удивительной силы певца.

Как ты там, на природе не здешней,
Горечь жизни изведав вполне,
Захлебнулся последнею песней
О родимой своей стороне.

Эта песня, года пролетая,
Растопляя забвения лед,
Расплескалась от края до края
И теперь новой жизнью живет.

КОЛОДЦЫ

Над замшелостью сруба –
Для ведерка клюка,
Все сработано грубо,
Но зато на века.

В полутемки колодца
Головой окунись:
Там живет и колотится
Первозданная Русь.

Может, это не капли
Там стучат в тишине,
А булатные сабли
По кольчуге-бронне?

Или красные кони,
Все в крови до хвостов,
От монгольской погони
Вдаль несут седоков?

И все ширятся звуки,
И в колодце сыром
Вижу русские руки
То с сохой, то с мечом.

Как бы время не мчалось –
Отметая беду,
Забывая усталость,
Я к колодцу приду,

Чтоб услышать, как где-то
Застучит в тишине
То ли сердце планеты,
То ли сердце во мне.

У ПОЭТА

Известен во всей России
И даже за рубежом,
Бывало, перевозносили,
Ругали уже потом.
Хотя он к своей карьере
Легко относился сам –
Испытаны в полной мере
И слава, и тихий срам.
Не он ли, подобно туру,
И в рифмах, и в ритмах смел,
В большую литературу
В двадцатых годах влетел.
Писал широко, масштабно –
Не менее эпопей.
Как скверны, боялся штампа
В стихах и в жизни своей.
Рифмы, как семечки, лузгал,
Кепи носил до бровей,
Пока не сорвал “Челюскин”
Его с земных якорей.
На фронте носил погоны
Он от звонка до звонка,
Встречал полно эпигонов,
И редко ученика.
Наверно, не морсом сладким
Считал он свою судьбу –
Были чугунные складки
На поэтическом лбу.
Давно назревала драма
С сердцем его больным,
Теперь еще эта дама,
Нежданна, как вешний дым,
Увидеться с ним, с поэтом,
Мечтала будто всегда.
Глаза с нездоровым светом,
Сравнительно молода.
Приехала из Ростова,
Прodelала дальний путь,
Словно на Льва Толстого,
Глазом одним взглянуть.
Что почитала за счастье...
Жаль, что он занемог.
А у самой на запястье
Жилка, как родничок.
От завтрака и до обеда
Проговорил он с ней,
И не было той беседы
Счастливей и больней.
Она уходила в лето
С тем же светом в глазах,
А на душе у поэта –
Неясный какой-то страх.
Словно под тяжестью груза,
Он сидел у стола.
Неужели только что Муза
Проведала и ушла?

АЛЕКСАНДР СУВОРОВ

* * *

В литературе неуют.
 Такое время нынче – злое.
 Поэты жирные помои
 Друг другу на голову льют.
 Вражда! Рифмованные драки.
 Ямбический разор и ор.
 Аллегорический раздор.
 Метафорические враки.
 Хореем – в сердце. А анапест
 Безжалостнее, чем кистень.
 Как жаль, что бывший друг нахрапист
 И тень наводит на плетень!

Делить бы нам не жердь насеста
 Среди горластых петухов,
 А незатоптанное место
 Под солнцем будущих веков.
 И не стрелять свинцовым словом
 Собрату ярому в висок,
 А пробуравиться к основам,
 Где золотой – у самых ног –
 Сверкает истины песок...

* * *

Ветер с севера. Солнце с юга.
 Нынче вечером будет вьюга.
 А до вечера – столько света,
 Точно взят он взаймы у лета.
 Да с запасом взят... То-то летом
 Будет меньше одним расцветом,
 Будет больше одним туманом,
 Словно больше одним обманом...

Ветер с севера. Солнце с юга.
 Поскорее бы, что ли, вьюга...

ВЛАДИМИР БЛИНОВ

* * *

Скажите, как начать,
 когда поэт бессилен,
 как римлянин, влюбленный в госпожу.
 Осенняя печать –
 коричневым по сини –
 протягивает ветви к шалашу.
 И пусто там,
 И облетели чувства,
 как листья с отзвевших тополей.
 Сраженному быку
 ни ярость, ни искусство
 не страшны!
 Матадор смешон!
 Коррида веселей!
 Но рог трубит удар.
 И кровь еще дымится.
 И бешенство зрачка
 рождает дрожь ресниц...
 И черное такси
 несет меня в столицу
 из осени к тебе
 в потоке небылиц.

ПОРОЙ ПОЛНОЛУНЬЯ

Когда полнолуние на Север приходит
 и ночь, как костер, полыхает морозом,
 и руки к железу на миг примерзают,
 наш дом деревянный трещит, как полено,
 и рядом береза скрипит, осыпаясь,
 как искрами, инеем, колким и жгучим...

Луча острие нас пронзает обоих,
 когда полнолуние приходит на Север.

В глухой тишине засыпает весь город.
 И сны ему снятся порой полнолуныя:
 ручьи, тополя, журавлиные стаи,
 летящие к северу, в глушь и безлюдье.

И все замирает во сне полнолуныя:
 не бодрствует ветер, не стонет береза,

из города в ночь не летят самолеты,
не ходят машины, автобусы, люди.
И гулкость литая, как колокол, внемлет
безбрежному вольному лунному свету.
Светло и жестоко за нашим окном –
весь мир отошел в ледяной безмолвье.
И вышло тепло. И в наш маленький дом
крадется мороз с половиц к изголовью.

Как глянет луна посредине оконца,
луча острие нас пронзает обоих.
Встаю, головой в потолок упираясь,
иду по дорожке из лунного света.
Мой голос как эхо в глубоком ущелье,
и руки дровами, как крыльями, машут.
И снова безмолвье.
И нет нам покоя,
когда полнолуние на Север приходит.

ХИВА

Угрюмо, каменно, чванливо
глазеет на меня Хива
и охраняет молчаливо
свои владенья и права.

На ветхой крепости из глины,
на минаретах и дворцах
как будто стонут муэдзины:
“Аллах, аллах мой, о аллах!..”

В прохладе гулкой стен и башен
их тяга к вечному жива.
Но их призыв угрюм и страшен:
“Молчи, Хива! Умри, Хива!”

Внизу, во тьме, в глубоком камне
извечный мусульманский страх
внушает мудрость старика мне:
“И сила – прах, и время – прах”.

Какое унижение страха,
какое чувство высоты
заставило поднять из праха
искусство вечной немоты!

С глухих и низменных карнизов
возник кирпичных башен крик.
Так сделал мастер гордый вызов
аллаху, людям – и поник.

Хива... Заветы мусульманства
ты обнажила как могла.
О, ханов каменное чванство –
творцов великие дела!..

ШЕДЕВР

“Шедевры надо создавать, шедевры!..”²
На сей земле,
растерзанной издревле,

где Чингисхана плетью пересекла века,
и я искал шедевр.
Текла река.
Амударья текла.
Тек зной.
И марево текло над огненной землей.
И женщины, укрытые платками,
склонялись над землей, под облаками,
без усталости работая руками,
похудев,
они все шли.
И, видимо, искали
свой самый нужный
жизненный шедевр.
Не чувствуя ни боли, ни утраты
за вечностью, страданием и страстью,
отчаянно, мятежно, виновато
они искали, забыв о счастье.
Тек зной.
И рабство мерялось веками...
Они своими смуглыми руками,
усталый взгляд скрывая от лучей,
с висящими на шеях пишкирями³
сгребали вечный хлопковый ручей.
Я тоже шел,
от пыли поседев.
И видел мор и глад и море бед...
Остановившись,
пот с лица стерев,
устану думать,
как создать шедевр.

СЛОВО

Сначала – бессонная одурь –
предчувствие страшной вьюги.
И в сердце в такую погоду
не видно ни Веги, ни зги.

Спадет ежедневная накипь,
останутся кровь и металл.
...Росли по стерне пастернаки,
а ветер их цвет разметал.

Словами, словами, словами
заставлены окна сердец.
Я полон чужими словами,
словами задавлен вконец.

То счастье – на части, на части,
на чурки – в огонь, в полымя.
Словами горит соучастье.
Молчаньем зовет полынья.

Опомнись, безумец, опомнись!..
И снова – слова и слова...
Я нем. Я молчу. Нелегко мне.
И словом полна голова.

² Строка из стихотворения Е.Евтушенко

³ Пишкирь – фартук для сбора хлопка.

АЛЕКСАНДР АЛШУТОВ

БАХ

Я всех сердец лубочный орден
охотно любящим отдам:
– Что сердце?!
Сердце – это орган.
А вот у Баха был орган.
В нем
по малиновым аортам,
когда великий Бах играл,
такие восходили звуки,
что у костелов и у кирх
от высоты сводило зубы...
Движенье баховской руки,
и каждый, прежде, чем разбиться,
звук чисто в небе догорал,
прозрачной сделав черепицу,
когда великий Бах играл.
А в жизни не был он великим.
Он на себя не надевал
искусства сладкие вериги,
обетов гордых не давал,
боясь в них оказаться лживым.
Не осуждала церковь его.
Естественно, негромко жил он,
старинный мастер цеховой.
С друзьями в споры не вдавался
про смысл новаторских идей, –
ему и так хватало дел:
успел жениться он два раза,
любил вино,
плодил детей...
Он – протестант,
творивший мессы,
провинциальный музыкант,
жалевший лишний грошик медный
на башмаки ученикам,
несокрушимо верил в бога,
и каждый день
без громких слов,
за инструмент засев,
работал,
отлично зная ремесло.
Улыбкой детской

труд итожил
на пухлых
баховских губах,
и в этот миг
одно и то же,
наверно, было
Бог
и
Бах.

ЗАВЕЩАНИЕ ВОЗДУШНОГО СТРЕЛКА

Если не зарулим
завтра на стоянку,
только над бетонкой
полыхнет заря,
за меня получишь
теплые портянки
и раздай мой летний завтрак
технарям.
Это значит, что-то
с нами получилось.
И направлен прямо
с облака я
в рай.
Сообщи все маме,
соблюдя учтивость.
А придут мне письма –
их не собирай.
Их на самокрутки
выдай мотористам.
Красною махоркой
из Кременчуга,
засмолив в курилке,
пусть сожгут их чисто,
в легкие вдыхая
нежные слога:
как меня любили...
и не позабыли...
А придет посылка – яблочки возьми.
Пожуешь их с хрустом...
Ну, а станет грустно,
ты не постесняйся – обо мне
всплакни...

ИППОДРОМ

Зачем приходит он на ипподром –
потомок дальний
давних землепашцев?
Не для того,
чтоб сотню зашабашить
и с треском
просадить ее потом.
Нет!
Там, в подкорках,
силой ДНК,
сияньем всех купин неопалимых
в нем предки
до рожденья накалили
любовь к скрипящим сбруей дончакам.
Он помнит
яркость

вейки огневой
и маслениц языческих катанья.
Когда отняли
лошадь
от него,
в нем разрубили
надвое
кентавра.
И вот теперь
сквозь вереницу лет,
через асфальта
черные покровы
он различил
утраченный им след
той
драгоценной
золотой подковы.
Гудит азартом
бесконечный круг
дистанции
коварной и огромной.
И болью в сердце
расширяет грудь
приток густой
проснувшейся в нем крови.

ШАМПИНЬОН

Предельно чуткий, как глухой Бетховен,
слепой и прозорливый, как Гомер,
он упирался в пласт глухой бетона
так, что бетон, поддавшись, загремел.

Воссоздавая взрыв урана зримо,
стоял грибной силач и чемпион.
И был сильнее атомного взрыва
от напряженья бледный шампиньон.

КИТЫ

Киты прижались так друг к другу,
встав вровень с мачтой из воды,
как будто выбирали угол
к прыжку
до гаснущей звезды.
Как две космических ракеты,
по вертикали взвив тела,
они застыли на рассвете,
и вахтенный сказал:
– Дел-а-а!..
Раз у китов такая штука,
их бить
никто не помышлял.
Не отпускали даже шуток –
чтобы китам не помешать.
И только изумлялись тихо,
сочувствуя
мужской душой:
– Как кит сумел найти китиху?
Ведь океан – такой большой!
– Наощупь?
– Чувством обонянья?..
Они сплылись,

сплелись вдруг!
И нечем было им обняться –
природа не дала им рук.
Но, распахнув в улыбках зевы,
без третьих,
лишних в этот миг,
киты бы выдержали Землю,
взвалив на спины круглый Мир.
Могуществом китовых ритмов
шаталась баллов в семь вода,
как будто Сцилла и Харибда
столкнулись раз и навсегда.
Они любили так усердно!
Любовь была
не как игра.
В любви той было
столько сердца! –
почти 2000 килограмм.
Им было нечего стесняться:
мол, пусть глядят, раскрывши рот...
Мне до сих пор
киты те сняты:
в размахе северных широт –
два чудища,
морских животных
в фонтанах радужных смерчей.
Как утверждение живого.
Как отрицание смертей.

ТАЙФУН

В. Лукьянову

В такую погоду не бьются склянки
на баке –
в такую непогоду бьются на склянки
баки!
Взмывая горючим –
нефтью... бензином... соляром...
Взывая к орущим,
смываются, море заляпав.

В такую погоду в салоне у стойки
буфетчицы бьются:
в соленой сплошной неустойке
летает блюдце – летающим блюдцем!
И с удивительной ловкостью тонны
в грамм-атомы переходят.
И с удивительной легкостью тонут
громадины-пароходы.
И подливается масло
в зеленый огонь Куросиво.
И пот отливает с нас маски,
и пахнет вода Хиросимой...

В такую погоду со звоном в черепах
мертвые бьются.
В такую погоду в звонких черепках –
мордами бьются!
В такую погоду теряется всякая видимость.
Такую погоду – Да! – не всякому
выдумать.
В такую погоду отличий не видно
и знаков.
В такую погоду отлично видно

изнанку.
 А на земле в такую погоду,
 ох, душно!
 У женщин, что ждали мужей по году
 екают души:
 жмутся ведьмами жадно лбом
 к мутным оконцам...
 Жутко! Не ведает даже бог,
 когда ж эта мука кончится?!

А когда она все же кончается,
 море все еще долго качается...

И расплываются слоем горячего баки –
 полощутся радугой по морю...+
 И расплываются слезы горячие, бабьи
 оболочкою радужной по Миру...+

ПОХОРОНЫ ПИСАТЕЛЯ

Талант закапывали в землю,
 воздав таланту по делам,
 отметив за талантом зрелость,
 припомнив все, чем был талант.
 А сам талант
 в гробу добротном,
 отлично выбритый, лежал.
 Застегнут наглухо,
 двубортный
 на нем покоился пиджак.
 И золотом
 алмазной грани,
 себя от праха оградив,
 тонули в бархате награды
 с большой, талантливой груди.
 Их свет скользил вдоль смерти,
 мимо,
 чтоб вечно помнил стихший зал
 все, что талант поведал миру,
 все то,
 что знал
 и не сказал.
 Чтоб в этом свете было легче
 свой путь оценивать трезвей
 всем, кто пришел прослушать речи
 его талантливых друзей,
 где между слов,
 в разрывах пауз,
 вникая в скрытую в них глубь,
 талант, казалось, улыбался
 концами подведенных губ.
 А после
 траурный автобус
 под взмахи верных постовых,

минуя будничные толпы
 непосвященных и живых,
 плыл к той
 таинственной ограде
 с ее величием простым,
 где всем друзьям
 и всем наградам
 звучит
 беззвучное “прости”.
 Могила... Гроб...
 На лицах – горе
 застыло,
 как игра в замри.
 И – крышка.
 И по крышке – комья
 сырой,
 талантливой земли.

ПРОХОДИТ КАВАЛЕРИЯ

(Песня. Музыка В.Шаинского)

Каурые и белые, соловые и рыжие...
 Проходит кавалерия. Вы слышите? Вы слышите?
 Звенят, звенят подковами зеленые околицы.
 Эх, кони непокорные! Проходит мимо конница.

Припев: Каурые и белые, соловые и рыжие...
 Проходит кавалерия!
 Вы слышите? Вы слышите?
 Проходит кавалерия...

И снова в седла влитые над гривами качаются,
 Как сказочные витязи в буденовках Корчагина.
 Лавина кавалерии, по-львиному ревушая,
 Была ты каравеллою, Колумбом революции!

Припев.

За что, не понимаю я, коня мы так обидели?
 Парады принимаются и то с автомобиля!
 Соловые и рыжие, в век атомный нелепые...
 И все-таки вы слышите? Проходит кавалерия!

Припев.

Проходит кавалерия ночами рядом с нами.
 Проходит кавалерия мальчишескими снами.
 Под знаменем простреленным и все же не потерянным.
 Вы слышите? Вы слышите? Проходит кавалерия!..

Припев: Каурые и белые, соловые и рыжие...
 Проходит кавалерия!
 Вы слышите? Вы слышите?
 Проходит кавалерия...

АЛЕКСАНДР КЛЕЙН**СВЕРНАЯ МАСЛЕНАЯ**

“Эх, тройка! Птица-тройка!”

Н.В.Гоголь

Пламенеет над лесами
Утро масляной поры.
Мчатся сани, чудо-сани,
Разноцветные ковры.
Вот она – зима по-русски, –
Солнце в дымке облаков,
Плотный снег, зернистый, хрусткий,
Тройки добрых рысаков;
Крылья бешеной метели,
Ветер колющий – в лицо;
Набегающие трели
Неуемных бубенцов.
Ну и кони, птицы-кони,
Ленты в гриве, на груди...
Кто их сдержит? Кто догонит?
Кто там медлит впереди?!
Э-э-эй! Правей немного!
Что пугаешься? Не спи!
Если сам плетешься “с богом”,
Нам дорогу
уступи!

* * *

Не журавль
Бродит по болоту,
Наклоняется,
Выпрямляется,
Червячков
И лягушек выискивая,
А профессор
Седой доходяга,
По тюремной камере ходит
И, прищуря глаза близорукие,
В пол цементный
Глядит напряженно:
Нет ли крошки
Иль косточки рыбной?
А блатные на нарах
Смеются:

“Ох ты, швивая интеллигенция,
Никакого не знаешь
Достоинства.
Это мы
Твою пайку украли,
Третий день
Мы морим тебя голодом,
А ты все еще жить
Не научишься...”

ГОРНЯК

...Но в беспросветных тесных недрах,
От пыли угольной черны,
Мы были все-таки не негры
Из чуждедальной стороны.
И в глубине земли, в забое,
Где каждый миг грозил обвал,
Там заключенный
без конвоя
Себя свободным ощущал.
Боль унижения, позора
С души стирал, как пот с лица,
И уголь шел по транспортерам
Густым потоком без конца.

Плечом к плечу стоял здесь вольный,
Трудом приравненный без слов,
Как встарь на Бородинском поле
Сынок дворянский и холоп.

А после смены все менялось:
Кто в дом, кто – под конвоем, в барак;
И общим только оставалось
Одно понятие –
горняк.

ХАЛЬМЕР-Ю

Наступает белый север
Сонмом холода и вьюг
На далекое кочевье
Хальмер-ю.

Я спросил оленевода:
– Долго ль будет песнь свою
Напевать нам непогода
В Хальмер-ю?

Старый ненец мне ответил:
– Даже в северном краю
Самый злой и сильный ветер –
В Хальмер-ю.

– А бывал ли ты южнее,
Там, где птицы гнезда вьют,
Где земля теплей, щедрее
Хальмер-ю?

– Был, – старик мне отвечает, –
Только родину мою
Ни на что не променяю,
Хальмер-ю.

Потому опять вернулся
Я в гнездо полярных выюг,
Чтоб поселок мой проснулся,
Хальмер-ю.

Чтобы этот край суровый,
Край, который так люблю
Распахнулся к жизни новой
В Хальмер-ю.

ОЛЕНЬ

Олень – порыв и легкость бури, –
Как Заполярья старожил,
В движеньи, схваченном в скульптуре,
Над новым зданием застыл.
Он – гордый символ тундры этой, –
Весь – устремление вперед, –
Пушистым инеем одетый,
Здесь в изваянии живет,
И на знакомые картины
С многоэтажной высоты
Глядит, кустом рога раскинув,
В немом величьи красоты.
Литой, над ширью небывалой
Стоит, серебряный, как снег,
Неотделим от пьедестала,
Как от Отчизны, человек.

КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА

Монах преследовал Диву своей любовью. Спасаясь от него, она бросилась в море и превратилась в скалу. Монах последовал за нею. Возле Симеиза (Крым) в море высились две скалы. Теперь осталась одна. Монах был разрушен землетрясением.

В этот час осенний, ранний,
Каждый встречный смотрит сонно.
Море, горы – все в тумане;
Тучи ползают по склонам.

Даже волны так лениво
Серый берег омывают.
Смотрит каменная Дива,
Будто в горе изнывая.

Камень, камень, неужели
И тебе знакомы муки
И в твоём тяжелом теле
Поселилась боль разлуки?

Говорят, не зная страха,
Ты красавицей-дивчиной,
Убегая от Монаха,
Смело бросилась в пучину.

Овладеть тобой не в силах,
За тобой он устремился,
Камнем серым ты застыла,
В камень враг твой превратился.

И стояли вы веками,
Ненавидя и желая,
Серый камень, мертвый камень, –

Страсти летопись живая.

И Монах, когда-то стройный,
Первый рухнул, сдался горю.
Ты одна теперь спокойно
Возвышаешься над морем.

Что ж грустишь? Иль горечь губит,
Вновь былое теребя,
Что теперь никто не любит,
Не преследует тебя?!

ПРИЧУДЫ РЕНЕССАНСА

После гибели нелепой,
Окруженные почетом,
Снова Гамлет с Дон-Кихотом
Поднимаются из склепов.

Смотрит зритель, пораженный
Проявленьем дивной прыти,
Улыбается ученый,
Все толкует умный критик,
Освещает суть таланта,
Все причуды ренессанса.
Дополняя Санчо-Панса
Кругозором Росинанта.
Что затейливо, что плохо
У Сервантеса, Шекспира,
Объясняют той эпохой
Переменчивого мира.

Но восторга скрыть не в силах,
Поневоле признаются,
Что гигантов не затмило
Даже дымом революций;

И сегодня, будто в Мекку,
Раз святыни нет под боком,
Люди атомного века
Ходят к свежести далекой.

МОНУМЕНТ

Если б невзначай
мне заказали
Монумент
творцам Печорской магистрали,
Я бы сделал памятник –
как надо:
Весь каркас –
из палок и прикладов,
Из тупых
винтовочных прикладов,
Коими на стройке магистрали
Трудовую доблесть поощряли.
Я б воздвигнул памятник
на славу:
Всю конструкцию
обвил колючкой ржавой,
Как плющом,
железною гирляндой;
Гроздья пуль,

как высшую награду,
 Я б вокруг повесил
 на ограду
 С черпаком
 для жиденькой баланды,
 Той,
 что еле душу согревала,
 И грузить зимой,
 порой студеной,
 Десятиметровые баланы –
 Бревна –
 весом в две-три тонны –
 помогала.
 Я сложил бы памятник
 из паек,
 Из кирпичиков
 тех хлебных паек,
 За которые
 и ломом и киркою
 Мерзлоту
 долбили
 под конвоем,
 Орошая
 потом с кровью
 грунт неталый.
 Кости,
 что лежат под каждой шпалой,
 Я б собрал в костер
 звездой пятиконечной:
 Пусть они огнем
 желтеют вечным;
 Постаментом
 сделал бы я нары,
 Надпись:
 ipso iure⁴ комиссаров.

НА РУССКОМ КЛАДБИЩЕ СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ ДЕ БУА ВОЗЛЕ ПАРИЖА

Славянские буквы на плитах
 И русские наши слова
 Читаю над прахом зарытых
 На Сент-Женевьев де буа:

И здесь – господа эти гости.
 За землю и земли борясь,
 Их предки собрали по горсти
 Большую Россию для нас.

Но, правя кровавую тризну,
 Враждой ослепленный народ
 Изгнал за пределы отчизны
 Друзей и потомков господ;
 И Франция многих призрела,
 Кто бросил родные края,
 Чье брненное тело истлело
 На Сент-Женевьев де Буа.

Могилы, могилы, могилы...
 Они от России вдали.
 Быть может, на все не хватило
 По горсточке русской земли.

ЛЮБОВЬ ТЕРЕНТЬЕВА

КОЛЫБЕЛЬНАЯ МУЖЧИНЕ

Спи, маленький!
 А Женщина тебя придумает
 И сильным, и красивым,
 Наделит
 Статью, ростом,
 Львиной гривой
 И римским носом,
 И душой вразлёт...
 А поутру пред зеркалом не бойся
 Увидеть обновленный свой портрет:
 Тебя, каким был прежде, больше нет.
 Отмойся и одеждами укройся,
 И Женщину к груди своей прижми.
 И вспомни Мать, которая тебя
 В любви таким же точно зачинала.
 Ты этой ночью заново рожден.
 Прими же с благодарностью Начало.

* * *

Офелия, иди в монастырь.
 Гамлет

Покорная – по слову засмеюсь.
 Он так велел – я так ему дороже.
 Затворница. Зачем к нему стремлюсь?
 С ума схожу, Офелия, быть может?

Так верить в чудеса, как верю я!
 Смеётся надо мною – значит, весел,
 Легко ему...
 Офелия моя! Воскресни!

Офелия, прислушайся!
 Во мне отчаянье, любовь и вождельенье,
 И слёзный вихрь.
 А я по повелению смеюсь
 И проклинаю этот мир,
 В котором смех мой – будто монастырь.
 Офелия, послушайся!

⁴ (ипсо юре) – согласно закону, по закону (лат.).

ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

В мудрёном споре
Я нашла решенье.
И, логикой
Надежно вжатый в пол,
Мужчина отступил!
Но,

Тем не менее,
Предательски округлые колени
И завиток в зеркальном отраженьи
Меня повергли в легкое смущенье:
Да полно!
Мог ли ошибиться
Он?

ВАЛЕРИЯ САЛТАНОВА

ГРИБНАЯ ПОРА

Отец паяет затемно,
Чихает канифоль.
А мы поедem с матерью
В село Викториоль.
Там тундра, платьем ситцевым
Раскинувшись, лежит.
Бруснично-голубичными
Оттенками горит.
Грибов и ягод тмища там,
Ищи лишь веселей!
Стоит избенка нищая
В двух метрах от путей.
Проснемся. В ночь глубокую
Вливается рассвет.
Трясина губошлепая
Глотает мокрый след,
И пенится, и чавкает,
И брызгает слюной...
Но с мамою не страшно мне,
И ей верней со мной.
На нас, как полагается,
Нашел грибной азарт.
А люди возвращаются

С корзинами назад.
От счастья чисто детского
Глаза у них горят.
Грибы накрыты ветками –
От сглазу, говорят.
А небо виснет тучами,
А сырость – хоть гребни!
И нам уже наскучило
Искать свои грибы.
По полкорзинки каждая
Набрала – и домой!
Рукою хлесткой машет нам
Вслед дождик голубой.
И по такому случаю
Поют – хоть не дыши! –
Все главные трезвучия
Распахнутой души.
Не тонущими ботами –
Бесплотный великан –
Все бродит над болотами
Кочующий туман...

ВОРКУТЕ

Город мой! Я беспечно жила –
Где меня только жизнь не носила!
Усидеть – не казни! – не могла.
Но любила тебя не в полсилы,
Потому, дань отдав городам,
Тем, где дождь виноградники лижет,
Я опять возвращалась к снегам,
Словно мне чистота эта ближе.
Но влекут меня дальше пути,
Верю их разноцветному вееру...
Город мой! Не держи – отпусти,
Дай опять стосковаться по Северу.

В ДЕРЕВНЕ

(Скандальное происшествие, которое случилось со мной на окраине города Сызрани)

Деревенскою улицей шла я,
По последней одетая моде.
Вдруг какая-то баба шальная,
На своем копошась огороде,

Прошептала: “Да что ж это, боже?”
“Что за чучело? – слышалось в этом, –
Так ходить по деревне негоже,
Ты нездешняя, чай? Иль с приветом?..”

И кого б на пути ни встречала,
Все смотрели с какой-то опаской.
Может быть, их прическа смущала,
Может, курточка – яркой окраской...

Только видела я осужденье
За наряд свой, излишне-крикливый,
И терпел шаг за шагом крушенье
Вид мой – праздничный и горделивый.

Шла и думала я: “Смех! Но все же...
Прочитают стихи мои дружно

Эти бабы и скажут: “Негоже!”
Или так: “Ба! Кому это нужно?”

Дорогие мои! От суровых
Ваших взглядов смутится Тверская...
Я писала бы вам о коровах.
Да душа у меня городская.

ВАЛЬС

Сергею Титову

Синьор, наша жизнь, словно книга
с хорошим началом,
Да вот она, в тысячах лиц,
чтоб не скучно читать...
Закройте рояль, я хочу,
чтоб на миг замолчал он.
Синьор, я сегодня в ударе,
давайте мечтать!

Сегодня я – музыка,
я – в инструменте сосновом,
Вы – нотные знаки. Прошу Вас,
протрите листы.
Сегодня я лучше Вас,
станьте, пожалуйста, новым,
Еще Вам представится случай
удрать из мечты.

Ведь завтра мы вновь затеряемся
на Карнавале
И лица свои позабудем
уже до конца.
Ну что ж, эти маски
мы сами себе выбрали
Когда-то, еще до рожденья,
в примерной Творца.

Синьор, а сегодня я – музыка,
будьте же словом!
Навеянным, может быть,
странным наречием птиц...
Сегодня я – лучше Вас.
Станьте, пожалуйста, новым,
И пусть в нашей книге
не будет случайных страниц.

НА КЛАДБИЩЕ

Вдоль болот – дорога.
Мрамор. Стрекоза...
Наблюдают строго
Из-под плит глаза.
Детская могилка.
Кукла на камнях.
Леденцы. Бутылка –
Кто-то был на днях...
Поздно убиваться,
Плакать в три ручья.
Здесь святое братство.
Вечная “ничья”.
У оград – морошка.
В топь кустарник влез.

Комары да мошка,
Да свинец небес.
Черная дорога.
Насыпи. Кресты.
“Подожди немного,
Отдохнешь и ты...”

* * *

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи...*

А.Ахматова

*Я тоже фабрика...
...Душа – такой же хитрый двигатель.*

В.Маяковский

Я, как машина, выдаю свои стихи.
Они и правда состоят из чепухи
(Как одуванчик, лебеда и лопухи):
Из настроения, движения, порыва.
Без передышки, без конца, без перерыва
Работа мысли, словно колесо у белки.
Стихи зависят от давления, от стрелки
Барометра, ветров, температур,
От прорастающих в душе чужих культур,
От разрастающихся болей и обид
И от того, куда упал метеорит...
Я как машина, но я вовсе не машина!
И это повод для депрессий и причина
Бессонниц, искушений и огня,
И в том, что мне больней день ото дня,
Тот счетчик виноват внутри меня,
Тот горестный живой секундомер,
Который неисправен, не в пример
Приборам точным...

* * *

Еще не творчество, не роды.
Молчит начальная глава.
Еще пока отходят воды,
Выплескиваются слова.

Идут за фразой фраза следом
Без напряженья и потуг.
Но смысл все еще неведом,
Но все еще невнятен звук.

Еще не музыка, не скрипка,
Не камышинка, не тростник –
Как очертанье слова зыбко,
Как жар предчувствия велик!

Минуты вдохновений эти
Всем сердцем и душой глотай,
Пока потоку междометий
Сопrotивляется гортань.

О, немота такого рода
Велеречива – и тиха,
Когда в тебе сама Природа
Вершит прелюдию стиха.

* * *

Милая, милая, милая мама,
Ты мне дороже всего –
Птичьего гама и Божьего храма,
Дома, дороги, снегов.

Ты потому что – снега и дорога,
И колокольчики звезд.
Сердце вмещает так мало и много
Опыта, горечи, слез.

Мало вмещает, но все же – вмещает,
Так, что и моченьки нет.
Кто-то юродствует, кто-то вещает...
Ты только – радость и свет.

Сколько людского бесстыдства и срама,
Грязного сколько белья!..
Милая, добрая, мудрая мама –
Нежная крепость моя.

ГАСТРОНОМИЧЕСКОЕ

Из цикла "Прощание с Москвой"

Ну что ж, мой колбасник, прощай до весны.
А свидимся ль – время покажет.
В колбасном романе все главы ясны
И нету нужды в эпатаже.

Как всем напоказ выставляет лоток
Колбасные нежные души!
Отвесь мне "Московской" грамм двести, браток,
Кусочек, который посуше.

Будь счастлив, дружище. И в буднях мясных
Есть песня своя и отрада...
Скажи мне на сдачу: "Прощай до весны!",
А денег, ей-богу, не надо.

* * *

Как между собой говорят москвичи,
Мы все – черный хлеб, а они – куличи.
Пасхальные, сдобные, с маком...
А нас – можно только собакам.

И лучшее тесто у тех куличей,
Как лучшее место у всех москвичей.
На них – знак небес, то есть – качества,
Такое, простите... чудачество.

Они – куличи – все художники.
А мы все – рвачи да острожники.
Они – куличи – все поэты.
А мы – сухари да галеты.

А, в общем-то, роясь привычно в ботве,
Без Бога в душе, без царя в голове,
С заветною фигой в кармане –
Мы все из одной глухомани.

ВАСИЛИЙ ЖУРАВЛЕВ-ПЕЧОРСКИЙ

ГОЛУБАНЫ

А.Рекемчуку

Вот и пролетели голубаны,
Отшумела на реке шуга,
Из своей избушки утром рано
Я навстречу солнцу зашагал.
Вновь ледок трещит под сапогами
И брусника тает на губах.
Затеряюсь – вспомните про Камень,
Где стоит охотничья изба.
Там найдете соль,
Коробку спичек,
Котелок,
Котомку сухарей.
Там я жил,
Там лакомился дичью,
В ельниках выслеживал зверей.
За окном избы шумели ели,
По утрам ревели сохачи,
И зарю свистели свиристели,
И журчали в тишине ручьи.
Здесь куница бегала по бровкам,
Выдра бултыхалась по ручьям.
В городе я лишь в командировке,
Без тайги давно б уже зачах.
Сколько раз все это повторялось:
И бежал из города сюда,
Сбрасывала с плеч моих усталость
Ярая таежная вода.
Затеряюсь – не ищите где-то.
Если на реке шумит шуга,
Значит, снова я в избушке этой,
Заманила в глушь свою тайга.
Над рекой морозные туманы.
Я да лайка.
Мы опять вдвоем.
Да грустят на юге голубаны
О весне, о севере моем.
Север стоит, чтоб о нем грустили,
Север стоит, чтоб к нему рвались.
Скажем после: здесь мы жили-были
Не какой-то месяц, а всю жизнь.

ГОЛУБАНЫ

Все сильнее на улице тает,
 На рассвете густеют туманы.
 С громким свистом утиные стаи
 День и ночь летят над Тиманом.
 И опять не найду покоя,
 Мне сегодня все по плечу...
 Голубаном к тебе прилечу,
 Половодью дорогу открою.
 Зашумит,
 забурлит окрест –
 Позаледных вод быстрина.
 Ничего, что блестит седина
 На груди, как чалдонский крест.
 Говорят, кто родился с ней,
 Будет в жизни на все тароват.
 Я смеюсь – нет приметы верней.
 Люди попусту не говорят.
 Это дальней дороги знак,
 За удачу в ней порадей...
 Птиц ведет сквозь туман вожак
 На какой-нибудь Варандэй.
 Что их тянет, скажи, туда?
 Я послушаю,
 Помолчу.
 Я такое в тебе увидал,
 Что отныне все по плечу,
 Понял,
 радость моя и надея,
 После горьких упреков твоих:
 В наших судьбах – свои Варандэй,
 Неприметные для других.
 К ним спешить сквозь дожди и туманы,
 Сквозь пургу и шальной гололед.
 Если в сердце звенят голубаны,
 Значит, наше от нас не уйдет.
 Что-то долго не пишешь, далекая.
 Брошу все и к тебе прилечу.
 От растерянности проокаешь:
 “Окаянному
 Все по плечу”.
 Пусть соседки болтают разное,
 Не для нас оно,
 Не про нас...
 Мы с тобою свадьбу отпразднуем,
 Всем чертям назло,
 В сотый раз.

ПОВЕТЕРЬ

Поветерь ударил – и на взморье
 Сразу забелели паруса.
 Поветерь ударил в междузорье,
 Может быть, всего на полчаса.
 Поветерь –
 попутный
 свежий ветер,
 Ласковый и щедрый к рыбакам,
 В новые капроновые сети
 Гонит омуля издалека.
 А ему цветастыми платками,
 Будто сестры, машут две зари:
 “Что ты, парень, бродишь вслед за нами.

За двумя нельзя.
 Одну – бери!”

ДАЛЕКО ДАЛЕЧЕ

Песня

Далеко далече от лесной опушки
 Отозвался вечер голосом кукушки.
 Сколько бы счастливых
 Лет не насчитала,
 Все казаться будет:
 Мало,
 Мало.
 Мало!
 Нелегка дорога, далека дорога
 К нефтяным озерам, золотым отрогам.
 Сколько бы кукушка
 Нам не насчитала,
 Все казаться будет:
 Мало,
 Мало.
 Мало!
 Пролетает лето, а за летом осень.
 Проживем лет до ста, да еще попросим.
 Сколько бы кукушка
 Нам не насчитала,
 Все казаться будет:
 Мало,
 Мало.
 Мало!

МАТРОССКИЙ ХАРАКТЕР

Опять иду по нашей улице,
 По главной улице села,
 Который раз сегодня чудится,
 Что ты недавно здесь была.
 Поет гармошка на окраине,
 Но я сегодня не пою.
 Под эти “девичьи страдания”
 Улыбку вспомнил я твою.
 Иду один
 полями,
 ельником.
 С людьми сойдусь – начну шутить,
 Ведь парню в полосатом тельнике
 На людях совестно грустить.

НАД УХТОЙ

Ветлосян, гора Медвежья,
 Не забыла ты,
 Как по хвойникам безбрежным
 Разнеслось “Ух-ты!”
 Разнеслось
 И укатилось
 В голубой туман.
 Лишь на божескую милость
 Упавал Иван.
 Тот Иван. Каких бродило
 Много по Руси.
 Только бы с крестом могилу! –

Больше не просил.
 Может, он – Иван безродный –
 Родич мне прямой...
 Я с утра брожу сегодня
 Над рекой Ухтой,
 Где от прошлого осталась
 Дряхлая изба.
 С чьей-то меткой заваялись
 Два больших столба.
 Пропитались нефтью,
 илом –
 Сберегла река...
 Мы и жизнь перестолбили
 На века.

ВЕСЕЛЫЙ КУТ

Куда нас только ноги не уносят.
 Уже темно.
 Пора к огню присесть.
 Веселый Кут, ты вновь встречаешь осень,
 А помнишь, как я заблудился здесь?
 Мальчишкой был.
 Мне стало страшновато.
 Я озирался около огня.
 Казалось мне: шумят не перекаты,
 Вот-вот медведи слопают меня.
 А утром речка присмирела сразу.
 Услышал я: дуллетами палят.
 И напрямик пошел,
 Звериным лазом,
 Через кусты, где тесно от маслят.
 Сижу сейчас и поджидаю снова,
 Как в стороны тропинки побегут...
 Возьми меня и закружи сосновый,
 Березовый,
 Малиновый,
 Еловый,
 Веселый Кут.

МИШКИНА ИЗБА

Есть легенда, что в Мишкиной черной избе
 Жил когда-то на Цильме старатель.
 Сколотил из бродяг он ватагу себе,
 И песок промывал на речном перекате.
 Голубые леса.
 Голубые пески.
 Бьют каменя о ноги босые.
 Гнус вконец одолел.
 Подымают с тоски
 В глухомани пришельцы России.
 Самородок нашли
 (этак фунта на два)
 И пошла кутерьма,
 Заблестели ножи.
 Понял старый, что тут не помогут слова:
 Кровью залиты выходы проклятых жил.
 Самородок он в омут закинул тогда,
 Трижды плюнул и скрылся куда-то.
 Кто он был и откуда – не скажут года,
 Но народная память крылата.
 Говорят, что остался на Цильме старик

Караульным несметного клада.
 Хочешь встретиться с ним?
 Так иди напрямик
 Через топи,
 леса,
 снегопады.
 Он давно тебя ждет.
 Все, что хошь, забирай.
 Здесь богатств и на правнуков хватит.
 Для тебя сохранил этот сумрачный край,
 Как великую тайну, старатель.
 Все узнаешь ты в Мишкиной черной избе,
 Но в пути позабудь о себе.

* * *

Испеки мне, мама, кулебяку,
 Так, чтоб и румяна и жирна...
 С корочкой, просохшей дочерна...
 Снится мне в который раз она.
 Испеки мне, мама, кулебяку.
 Я ее на части разделю,
 Корочку от рыбы отделию,
 И закрыв газетой до обеда,
 Попрошу друзей ее отведать.
 Испеки мне, мама, кулебяку.
 Я вдали от вас затосковал
 По рыбацким парусам, по дому.
 С моря, зная, пошел на нерест омуль,
 Полегла от инея трава.
 Испеки мне, мама, кулебяку.

* * *

Если ты родился в катагаре –
 Полотняном доме рыбака,
 Если ветер в этот час ударил,
 Молнию принес издалека,
 Прощумел на вешалах сетями,
 Вымыл их,
 почистил и ушел
 За хребты,
 За тот былинный камень,
 Где нашли алмазы – хорошо!
 Если шторм осенней темной ночью
 Злобно бросил карбас на пески
 И прибой на тех песках грохочет,
 Разнести сулитесь на куски, –
 Скинешь с плеч угрюмую усталость,
 Смотришь – выход из беды нашел.
 В жизни нашей всякое бывало, –
 Лишь под старость вспомнишь...
 Хорошо!
 Если мне в пути придется туго,
 Потянусь к тебе издалека –
 И почую рядом локоть друга
 И услышу голос земляка:
 “Если ты родился в катагаре,
 Если в братьев-северян пошел,
 Будь всегда, как говорят, в ударе,
 Что бы ни случилось –
 хорошо!”

КОРМИЛИЦА

Семга идет! Эта весть облетает
 Прибрежные села за сутки порой.
 Глядим, как, на солнце боками сверкая,
 Взлетает она над зеленой волной.
 А ей не до розовых красок рассвета,
 Не просто резвится она поутру:
 Ей нужно к верховьям добраться за лето,
 Разбиться, но в речках оставить икру.
 Семга идет! – На пески выезжаем.
 Займемся отныне починкой сетей.
 Идет! – Значит будем опять с урожаем.
 Дорогу даем, низко кланяясь ей.
 Поближе к зиме возвратимся на тони,
 Кормилицу нашу помянем добром,
 Не раз и не два еще невод затонет,
 Набитый живым серебром.

СТРОГАНИНА

Ни в чем не зная середины,
 С кем только не знаком,
 Вновь угощаюсь строганиной –
 Мороженым сигом.
 Щепотка соли,
 Чуть горчички
 Да с корочкой ржаной,
 Да к ним, быть может, по привычке,
 Всего лишь по одной.
 Не ради пьянства,
 Ради встречи.
 Чтоб лучше жизнь была.
 И самовару в этот вечер
 Не скрыться со стола.
 А зимний вечер длинный-длинный,
 Хозяин гостю рад:
 Его полмесяца на льдине
 Носило, говорят.
 Что поседел – не замечает.
 – Родство мне докажи!
 Без строганины да без чая
 Какой же ты мужик...

* * *

Когда, устав от жизни брэнной,
 Раскину руки у межи,
 Ты принеси охапку сена,
 Мне в изголовье положи.
 Я знаю, знаю: все проходит.
 И мы пройдем, и мы уйдем,
 Но сеять рожь, метать зароды
 Нам все милее с каждым днем.
 Не по кулигам, не в закутках
 Идет страда, гудит страда.
 В стогу по десять промежутков.
 Во сколько вложатся года?
 Здесь были дедовские пожни,
 Здесь были заросли урем...
 Вот-вот у нашего остожья
 Блеснет багрянцем оком.
 Мы межи дедов распахали,
 Но есть у времени межа,

Какие мы увидим дали,
 В последний раз глаза смежа?
 Я много жил и много разных
 Видал костров, а сердцем тут.
 О жизни далеко не праздной
 В кустах каракушки поют,
 И если наперед устану,
 То не забудь, о чем просил:
 Из предрассветного тумана
 Охапку сена принеси.

* * *

Над разливом снова утки кружат,
 Битый лед лежит на берегу.
 Все сильнее о чем-то сердце тужит.
 Ничего поделывать не могу.
 Отлетал,
 Открывал,
 Отчуждал,
 Не гоюсь в зеленые юнцы?
 Так возьму и сделаю иначе –
 Разрублю пеньковые концы.
 Те концы, которыми связали
 Годы тундры накрепко меня.
 На далекой Каре, на Ямале
 Провода антенны зазвенят:
 “С добрым утром. Крепко вас целую.
 Как здоровье ваше. Как дела?”
 И ни слова, что опять тоскую,
 Что у нас опять пурга была.
 Знали солнце,
 Знали снег и стужу,
 И под настом бились в гололед.
 Что ж ты, сердце, понапрасну тужишь,
 Ведь такое с нами каждый год.

ПЕСНЯ СОЛНЦУ

Если метишь в братья мне,
 Просыпайся на рассвете,
 Солнца первый луч лови,
 Оседлай строптивый ветер.
 Будешь смелым,
 Будешь ловким
 И всегда удачлив будешь,
 Даже самый страшный холод
 Встретишь ты открытой грудью.
 Если метишь в сестры мне,
 Просыпайся на рассвете,
 Солнца первый луч лови,
 Приласкай бездомный ветер.
 Щеки станут, как морошка,
 Губы улыбаться станут.
 А глаза начнут искриться,
 Словно речка в полдень ясный,
 Берегись, утонешь, парень, –
 Закружится голова.
 Кто бы песню не услышал,
 Солнца первый луч ловите.
 Солнце – это ж радость жизни.
 Полностью ее берите.
 Прозевал – сгустятся тучи
 И бесцветный день настанет.

Будет небо, словно крышка
У коробки из бересты.
Умывай лицо росой,
Солнца первый луч лови:
Солнце – это радость жизни.
Полностью ее берите.

ПЕРЕКЛИЧКА

На утренней зорьке кукуют кукушки
В глубинках тайги и у самой опушки.
Им вторит без усталости звонкое эхо
Детишкам на радость, а взрослым в утеху.
Мне снова не спится. По старой привычке
Я вновь начинаю друзей перекличку.
Письмо из Сибири, привет с Украины,
Вчера телеграмма пришла с Сахалина.
Их много, друзей моей юности, всюду,
Когда заслужу, то привечен я буду.
Сижу, улыбаясь, в рыбацкой избушке.
Два века уже насчитали кукушки.
Кукуйте! – Вы думаю моим не помеха.
– Кукуйте! – Откликнулось звонкое эхо.
Пускай проживу пятьдесят, а не двести,
Пускай даже меньше, но только бы вместе,
Но только чтоб мог я по старой привычке
С друзьями все так же вести перекличку.

* * *

А.Козулину

Куда бы жизнью не кидало,
Что б ни плела о нас молва,
А надо верить в идеалы,
Искать высокие слова.
Урала не окинешь глазом –
Хребты уперлись в облака.
Подъема не осилишь разом,
Спеша к нему издали.
И не пытайся в одиночку –
Напрасный риск,
Напрасный труд...
Со мной от первой тропки-строчки
Друзья незримые идут.
И расползаются туманы,
И блещет солнцем высота,
Сквозь непроглядные урманы
Идем у черта по пятам.
Напрасно он кидает камни –
С карниза в пропасть не столкнет.
А песня, сложенная нами,
Других в дорогу позовет:
“Куда бы жизнью не кидало,
Что б ни плела о нас молва,
А надо верить в идеалы,
Искать высокие слова”.

ОСЕНЬ

Все мутнее становится синее небо
И все чаще скрывается солнце за тучи.
Опустели, притихли лесные опушки

И по-вдови ударилась в слезы природа.
Знаем: время такое уже наступило,
Чтобы шли проливные дожди не кончаясь,
Обдавала нас грязью и слякотью осень.
Но без этого мы бы весны не ценили,
Не любили бы северных наших морозов.
Мы ведь тоже когда-то зелеными были;
Бронзовеем, пройдя через ливни и грозы.

ИГОРЬ ТЕРНОВСКИЙ

* * *

В пресветлый мартовский денек
из дома выйди,
когда он глянет, синеок,
в твою обитель.
Оставь ярмо дневных долгов,
жилища хмурость,
и атомный огонь снегов
стерпи, зажмурясь.
Вдохни поглубже и услышь
сквозь птичьи клики,
далекое шуршанье лыж
и капель всхлипы.
Увидь от лампы голубой
густые тени.
И мир предстанет пред тобой
как на рентгене.
На белом полотне снегов
под светом высей
предстанет копать очагов
и копать мыслей.
Дорога явится темна
небеспричинно.
Увидишь, что зима больна
неизлечимо.

* * *

Памяти В. Журавлева-Печорского

Голубаны, голубаны⁵

⁵ Голубаны – порода уток.

торопливой чередой
 пролетали над лугами,
 над Печорой голубой.
 На озерах зоревали,
 хоронясь в студеной мгле,
 и печалились едва ли
 об оставленной земле.
 Из уютной, из обильной,
 чуть вставали на крыло,
 их как будто бы турбиной
 к льдам арктическим несло.
 Пробивались через стужу,
 через множество препон,
 через тыщи верст и ружей,
 полосующих в упор.
 Словно было в них спасенье,
 в теплоте их малых тел,
 и за ними серый Север
 зеленел и голубел.
 И слабеющий подранок
 в клочьях битого пера
 до конца тянул упрямо,
 на отчизне умирал.

* * *

Я убегал из городов морочных,
 и с поезда, замедлившего ход,
 я спрыгивал, как с самолета летчик,
 закончивший отчаянный полет.
 Я убегал, и падала во мне
 шальная скорость, затихало жженье.
 Я ощущал в наставшей тишине
 земли неторопливое движенье.
 Я замедлялся в широте полей,
 в лесах степенных, медленно растущих,
 в глазах моих все четче и ясней
 мир проявлялся изначально сущий.
 Я видел небо не в осколках луж,
 под игом всех проезжих и прохожих.
 Под ним ничтожно мал и неуклюж
 автобус проползал "коровкой божьей".
 В нем жило облако, как божество,
 являя неожиданные лики.
 И самолетик, крошечный и тихий,
 тянул несмело нитку из него.
 Медлительно вспухавшие вдали,
 от горизонта заходя все круче,
 большими многоножками брели
 тяжелые насупленные тучи.
 И непогодь гнала меня под кров,
 темнила воду, каплями узоря.
 Как шаровая молния багров,
 петух взрывался криком на заборе.
 И слышалось немного погода
 бренчание тазов, бидонов, банок...
 Потом под шорох вкрадчивый дождя
 я засыпал, счастливый, как ребенок.

* * *

Ярославское шоссе,
 утром ранним

я вхожу в тебя, как все,
 я – твой странник.
 Только ты не обессуди,
 что, усталый,
 я стремглав тобой несусь
 сквозь подставы,
 сквозь погосты и кремли,
 сквозь часовни,
 для отеческой земли
 невесомый.
 Прямиком меня сквозит
 в сизом блеске.
 Только сердце тормозит
 в перелесках,
 зацепляет за кресты,
 тянет в поле:
 удержишься, куда же ты,
 чуждый, что ли!
 Не тебя ли ждут назад
 с поля брани
 чьи-то грустные глаза
 сквозь герани?..
 Мимо, мимо.
 Недосуг
 влезть в исконность.
 Словно черти нас несут –
 гонит скорость.
 Гонит искрами во тьме
 как из печки,
 мимо церкви на холме,
 мимо речки,
 мимо женщины в тоске,
 ошалелых,
 на ревушем горбунке,
 в шлемах белых,
 на железном рысаке,
 полном чада...
 Что-то ждет нас вдалеке,
 что-то надо.
 Мы – разогнанные в цель,
 как частицы.
 Что-то,
 выше всяких цен,
 мимо мчится...
 Торможусь в твоей красе
 в изумленьи.
 Ярославское шоссе,
 я – твой пленник.
 Так держи меня, неси,
 сколько силы,
 мимо рдеющих осин
 в глубь России.

ОСЕНЬ

Лист ветхий, лист опавший,
 усталый желтый лист.
 Трубит журавль отставший
 над полем как горнист.
 Лесов парад последний,
 последний шорох крон.
 Повсюду разноцветье
 мундиров и знамен,
 повсюду в сизой стыни

начавшегося дня
отсвечивает иней
тяжелый как броня.
Все празднично и гордо,
как будто нипочем
лихая старость года
под стынущим лучом.
Хотя не во спасенье
последний дождь кропил:
под ржавчиной осенней
распался хлорофилл.
Последних листьев стая
сорвется, шелестя,
придет зима и станет
на выстывших костях...
Лесов парад прощальный
пред тем, как онеметь.
Не просят здесь пощады,
когда приходит смерть.

* * *

*Моим предкам братьям Монастыревым:
Нестору, белому подводнику, и Сократу,
красному летчику.*

Они были братья лихие,
и им подчинялись стихии.
Рожден для небесных один,
другой для подводных глубин.
Смягчало различие это
наличие общего цвета:
У каждого над головой
господствовал цвет голубой...
Но кто-то, сживая со света,
весь мир перекрасил в два цвета,
и тем разделил всю страну,
и воздух, и вод глубину.
И черные птицы вскружили,
и сделались братья чужими.
Дан каждому цвет навсегда,
как пропасть – навечно беда.
Сближенья цветов невозможны...
Оставил нелепый художник
взамен многоцветности всей
две краски в палитре своей.

* * *

Есть кладбище Сент-Женевьев де Буа.
Растет нерусская там трава,
и на могилы из суеты
нерусские приносят цветы.
Под вечер нерусская тишина
нисходит на русские имена
всех тех, кого уложила судьба
на кладбище Сент-Женевьев де Буа.
В могилах, ветхих, как праотцы,
лежат изгои и беглецы.
Одних не приняли – и беги.
Других не приняли – во враги.
Забыла про Сент-Женевьев де Буа
Россия, жестокая, как вдова,
которая не прощает измен
и отвечает забвеньем взамен.
И будь всемирно ты знаменит,

а все ж тебе не положен гранит.
На кладбище Сент-Женевьев де Буа
у всех одинаковые права.
Лежат там дружно, как с братом брат,
помещик и сталинский лауреат.
Оттуда изгнан, сюда не зван
Некрасов Виктор и Бунин Иван.

* * *

*31 июля 1944 г. военный летчик писатель
Антуан де Сент-Экзюпери не вернулся из
полета.*

Земной объявши шар,
печально и легко
плывет его душа
в долинах облаков.
И для его друзей,
и для его врагов –
одна
на всех людей
плывет его любовь.
И пусть разобщены –
одна,
как свет зари.
Он не любил войны,
майор Экзюпери.

БАЛЬЗАК

Писать вот так: блистательно, божественно,
чтоб обожая и кляня,
собратья, кредиторы, женщины,
преследовали бы меня.
Иной талант подобен катастрофе,
самосожженья требуя взамен,
Но есть рецепт: сто тысяч чашек кофе,
э вуалья ля комеди дюмен.
А я пишу невнятно и понуро,
ссылаясь на иные времена.
Так чем же ты жива, литература?
Сто тысяч чашек крови – вот цена.

* * *

*Не смотрите, дети, так,
Не копите динамита:
перед вами тихий прах,
а совсем не пирамида.*

(Автоэпиграф)

Понял я: не в этом зло,
что во лбу немного пядей.
Знаю я, мне повезло:
я смиренно зауряден.
Заявляю: блажен муж,
иже выпьет после бани.
И не нужно тыщи душ
насыщать пятью хлебами.
И не нужно новизной
раздражать наукознатцев,
и не нужно в шар земной
лбом высоким упираться...
Не разыщет славы перст
растворенного в народе,

кто для бронзы и на крест
одинаково не годен.
Не возвысят времена
тихо жившего и пресно,
и не будет течь слюна
по мощам его безвестным.
И не будет ничего:
анекдотов, лжи, плакатов.
Душу скромную его
не растащат на цитаты.
Не мудрец и не святой,
сгинет он, в забвенье сверзаясь.
Его именем никто
не прикроет чушь и мерзость.
И тянуть не будут жил
и юродствовать у храмов...
Даже если гнусно жил,
мертвый, он не знает срама.

* * *

Береженого Бог бережет...
От ненастья, от пуль, от забот,
от греха, от проклятых вопросов,
от инфарктов, бессонниц, неврозов,
от врагов и от новых идей,
от любви, от друзей, от детей,
от конфликтов, от гнева начальства,
от любого на свете несчастья.
Постоянно Господь начеку:
подзащитного вирус не сосит,
и уж яблоко ветка не сбросит
береженому вдруг на башку.
Хорошо береженный живет
под щитом благосклонности Божьей.
Береженого Бог бережет...
Только б знать хорошо: для чего же?

* * *

*Ах ты, сукин сын, камаринский мужик,
Ты куда, скажи, по улице бежишь?*

(Песня)

Непутевому с рождения беда,
все равно ему – огонь или вода,
все равно ему – четверг или среда,
непутевым остается он всегда.
Непутевому авансы пропивать,
в целине пути да трассы пробивать,
землю рыть, леса валить и трелевать,
и с начальством без конца конфликтовать.
Непутевый... И куда его влечет?
Дождь лицо его открытое сечет.
Не боясь, напропалую ломит, черт!
И покой его минует и почет.
Непутевому мотаться без жены,
сдуру лезть на пулеметы и рожны...
Ну, а может, все-таки, нужны
непутевые ребята для страны?

АЛЬПИНИСТ

Нисходил он в наши стены,
равный птицам и богам.

Волоса его блестели,
как вершинные снега.
Он спускался в мир наш плоский,
неземной какой-то весь,
приносил цветок неброский
под названием эдельвейс.
Он мне сказочным казался,
тот цветок, нехитр на вид,
словно где-то рос на Марсе
и непросто был добыт.
И с возвышенностью книжной
я мечтал когда-нибудь
эдельвейс, как орден высший,
приколоть себе на грудь...
Наконец, оно настало,
приобщенье к высоте:
наяву я лез по скалам
над оскалом пропастей.
В схватке с дывившимся камнем
я отчаянье глушил
не смиряемым желаньем
одоления вершин.
Я дышал до боли тяжело
редким воздухом небес.
Зауряден, как ромашка,
рос под нами эдельвейс.

* * *

Когда стихи заводят в переплет,
или грозит иная заварушка,
тебя в деревню государь сошлет,
где существуют речка, няня, кружка.
Где так снега сияюще чисты,
соседок милых ласковые взгляды,
служенье муз идет без суеты,
а больше ничего тебе не надо.
Как хорошо вдали от мятежа
смотреть в глуши забытого селенья,
как льется воздух на мороз, дрожа,
и саламандра пляшет на поленьях.

КЛЯТВА ГИПСОКРАТА

Не сотвори вреда больному,
не сотвори вреда иному,
непризанному, невозможному,
на принятое непохожему.
Служителя нелегких истин
не осуждай: он не корыстен.
И не делами бесполезными –
твоими занят он болезнями.
Своими бедами тревожась,
прости его за непохожесть.
Он, над тобою не смеявшийся,
быть может, ты – несостоявшийся.
Когда его ты презираешь,
ты не его – себя караешь
за то, что был ленив, несмел,
за то, что сделать не сумел.
Пойми ж прекрасное уродство,
прости чужое превосходство,
живущее себя губя,
и будет благо для тебя.

чтоб Европу опять изаттиловать⁷...
 Все ж не сбьются угрозам блуждающих
 звезд,
 не к тому все другие знаменья.
 Суждено ей иное.

И конский навоз
 не покроем священных камней ее.
 Ей чума, ей холера, ей папская гнусь,
 ренессанс у костров между битвами...
 Всю монгольскую конницу
 обезножила Русь,
 и сама полегла под копытами.

* * *

Олег ли, что ль, сказал,
 играючи копьем:
 вот победим хазар,
 тогда и заживем.
 С веками, явно стар,
 был лозунг обновлен:
 вот победим татар,
 а там уж заживем!
 Над родиной моей
 звучит сквозь кровь и дым:
 вот победим царей,
 буржуев победим,
 фашистов победим,
 партистов победим,
 расправимся с жульем,
 а там... Но факт один:
 никак не заживем.
 И так выходит вот:
 терпя за боем бой,
 одерживал народ
 победы над собой.

СКОМОРОХИ

Ой ты, царь Иван Васильевич,
 великий государь!
 Ты собаку свою верную – посошком
 Малюту вдарь:
 для чего ты поен-кормлен, чего проку
 в тебе, псе,
 еж ли головы крамольные отрублены не все,
 еж ли кто еще в народе, растуды твою едрит,
 не так смотрит, не так ходит, не те речи
 говорит!
 Многи рты смердят хулою, аль
 закроются они,
 еж ли живо племя злое – скоморохи
 да шпыни,
 что ехидствуют, лукавят, со нечистой силой
 в лад,
 меня, Грозного, не славят, на пирах
 не веселят!..
 Ой ты царь Иван Васильевич, ты не бей
 слугу свою:
 ты со всей державной силою не сможешь
 ничего.
 И Казань те покорила, и народы –

несть числа,
 и бояре, поубавлены, у ножек, что зола.
 Мы ж людишки недостойные, шатуны,
 говоруны,
 для нас дыбы приготовлены, топоры
 наострены.
 Мы как птицы поднебесные – нам не сеять,
 не пахать.
 Нам без чести лицедействовать,
 без причастья подыхать.
 Мы постимся в мясоеды, а скоромимся
 в посты,
 мы богаты всеми бедами, а карманами
 пусты.
 Легку смерть пошли нам, боже,
 но под скипетром твоим,
 хоть и кривы наши рожи, мы душою
 не кривим.
 Нас пирами не заманишь, шубами
 не улестишь,
 наше слово не поймашь, топором
 не воспретишь.
 Смех и правда не боятся государевой грозы.
 Сгинешь ты, твои псоглавцы,
 жив останется язык!

АВВАКУМ

Комментарий:

...“Он же рыкнул яко дивий зверь, и ударил меня по щоке,
 таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и чекан
 хватая, лежацева по спине ударил трижды и, разболочши по
 той же спине семьдесят два удара кнутом”.

...“Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули”...

...“И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех”...

...“На меня, бедная, пеняет, говоря: долго ли муки, сея,
 протопоп, будет? И я говорю: Марковна, до самья смерти!”

...“Я не боюсь никоно, одново боюсь Христа”.

...“И повеле царь священномученика и многострадального
 Аввакума протопоп... в срубе сжечь...”

“Сице аз, Протопоп Аввакум верую, сице аз проповедую, с
 сим живу и умираю”.

“Житие Аввакума”

Тому назад годов три ста
 спустили сверху директиву:
 угодны Богу три перста,
 а два перста – его противу.
 Дано. А если супротив,
 на то решение простое:
 не признающий директив
 пособник бесов, еретик,
 любого жребия достоин.
 От батога до колеса
 различны убежденья средства...
 Упорствуешь – беги в леса,
 в костры, в державы по соседству.
 И был, конечно, путь иной:
 сломись душой, что истомилась,
 тогда прибудет век с тобой
 царя и патриарха милость.
 Ведь их союз непобедим,
 похлебка ж стоит первородства.
 А, главное, за что бороться?
 Что в лоб, что по лбу – толк один.
 Что будешь муками велик,
 ни легче, ни светлей не станет,
 а важно ль, сколькими перстами

⁷ Слово образовано от имени вождя гуннов Аттилы.

И отнюдь не в опале:
имена, ордена!
С жиру бесятся баре –
им какого рожна?
Видно, слишком заелись
с государевых ласк:
зарубежная ересь
их заводит в соблазн.
И в преступных витийствах
забывают они:
для народов российских
все свободы вредны.
Знает лучше, что надо,
что дозволить, что нет,
государь-император,
в надлежащий момент...
Голубая порода,
бунтари, чудаки,
далеки от народа,
эшафоту близки.
Им Сибирь, лихолетье
в казематных тисках,
отделение третье –
голубая тоска.
Против силищи царской
их бравады смешны,
и из стужи декабрьской
им не сделать весны.
Не того они класса,
чтоб погоду сменить,
нет пока еще Маркса,
чтоб им все объяснить.
Может, им отсидеться –
против обуха плеть.
Может, им оглядеться
и себя пожалеть.
Это дело – не фронда,
не в игрушки играть.
Это – встать перед фронтом
и пощечину дать.
Закричать во весь голос:
гренадеры, в ружье!
И в атаку на подлость,
на тупое житье.
Это как еще страшно
выйти в дело таком
не на ваших – на наших,
на своих со штыком.
На родное, святое,
(не вернуться ль назад?)
На такие устои,
что колени дрожат...
Ты дивишься, Россия.
Что же делать с собой,
если больше не в силах
выносить твою боль?
Недоверчивым глазом
на мундир не гляди.
Это бьется твой разум
за тебя впереди.
Видишь: лучший из лучших,
подымает, поэт,
против жерл всемогущих
тонкий свой пистолет.

* * *

*Командую флотом.***Шмидт**

Лейтенанты флота российского,
вы стояли на вахте, насвистывая,
вспоминали пирушки и баб.
Но держали курс как положено,
как ни било и как ни корежило
неказистый российский корабль.
Эх, морская служба канальская!
Далеки вы, “орлы” адмиральские,
раньше воронам на плечи сесть.
Сколько миль за кормою – не меряно,
но еще ничего не потеряно
коль еще не потеряна честь.
В бой вода миноносцы и брандеры,
вы любили удары таранные,
и за вами Россия жила.
Вы пути ей торили в торогах,
на бунтующих броненосцах
поднимали свои вымпела.
Шли на дно вы, святые и грешные.
Сгнили остовы обгоревшие,
но покуда планета жива,
пусть истории ходят маятники,
не потонут вовек ваши памятники –
ваши земли и острова.
Как умели вы в лучшем стиле
перед залпом и оверкилем
ни намеком не высказать грусть.
Встать в параде над палубой хлипкой
и из жизни уйти с улыбкой:
погибаю, но не сдаюсь.

* * *

*Памяти моего родича участника гражданской
войны летчика Сократа Монастырева,
награжденного тремя орденами Красного
Знамени.*

Сопrotивляясь как могла
преображенью,
земля к инертности звала,
всем притяженьем.
“Фарман” был зыбок и не скор,
скрипел распоркой,
чихал зачиненный мотор,
залит касторкой.
Земную силу поборов,
летал над грешной
красноенлет Монастырев,
как ангел вешний.
Он падал.

Не его вина –
в матчасти дело.
И как заклепки
ордена
скрепляли тело.
За то, что падшим не бывал,
за то, что, выжив,
он снова крылья надевал,
стремясь все выше.
К капризнейшему божеству,
где ветры пели,

и покрывали синеву
цветы шрапнели.
И авиация дошла
в боях и жертвах,
до дельтавидного крыла,
от “этажерок”.
И с нею вместе поборов
и смерть и косность
красноенлет Монастырев
прорвался в космос.

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

Привела дорога
нас на небосклон.
У вагонных окон
встал, ошеломлен.
За тоску и беды
в светлый праздник дня
кто-то
очень щедрый
одарял меня.
Он казался богом,
делал чудеса.
Я стоял у окон
молча.

Воскресал...

Как же это, как же?
Поезд, хулиган,
разве можно сажай
по таким снегам!

* * *

Иди в морскую пехоту, – и ты увидишь весь мир!
(из рекламного плаката армии США)

Идите в морскую пехоту,
пехоту зеленой волны.
Покуда не взяли в работу,
по трюмам досматривать сны.
Там снятся девчонки и мамы,
недавнее ваше житье...
Но в дрему блаженную прямо
ударит команда: в ружье!
И вот вам роскошные пальмы,
шикарнее просто нельзя!
Подернуты дымкой напалма
лагун голубые глаза.
В страну попугаев и тигров
сейчас вам дадут адресок:
под музыку главных калибров
с прибором залезть на песок.
Смелее, морская пехота,
пехота зеленой волны,
награды все ваши без счета,
все женщины в вас влюблены!
А если не все доползете,
так что ж, земноводная рать,
положено всякой пехоте
на твердой земле умирать.

О РОЛИ ПАЛКИ В ИСТОРИИ

Он начался, человек,
не хотел быть тварью жалкой,
в миг, когда по голове
ближнего ударил палкой.
И повлек его прогресс,
начала расти смекалка.
Хвост ненадобный исчез,
но в руках осталась палка.
Всесторонний инструмент:
жезл, рычаг, копье, дубина,
посох, скипетр. Счету нет,
скольких стрелами побил.
Проходили времена,
но она была бессменна.
Эффективна и стройна,
то шпицрутен, то антенна.
Вверх звала, как божий перст,
прямотою ободряла.
Без нее молчал оркестр.
ничего бы не играло.
Сколько раз в союзе с ней
укрощался люд, неистов.
В силу жесткости своей
не терпела компромиссов.
Велики ее дела,
разве что-нибудь сравнится!
В бой людей она вела,
оснащенная тряпицей.
Оттолкнувшийся шестом,
человек взлетел как птица.
А теперь проблема в том,
как без палки приземлиться.

ЗАКОН ПЕЩЕРЫ

Пожилой троглодит
поучал молодого:
если ближний смердит,
нету в этом худого.
И пойми ты, дурак,
пока в морду не хряснул,
что чужой – всегда враг,
хоть и пахнет прекрасно.
Затверди, идиот,
недоносок ущербный:
все живое живет
по закону пещеры...
Пожилой эрудит
говорил молодому:
щепетильность вредит
в отношении к родному.
Бросьте, милый, мятеж,
здравы наши основы,
а любой зарубеж
есть носитель дурного.
У себя ж на дворе
даже язвы священны...
И блестел на ковре
томагавк из пещеры.

* * *

Есть в пользу боренья
 мажорный подход:
 придет еще время...
 А вдруг не придет?
 В крутом вираже ты
 закончишь бои.
 Напрасны все жертвы,
 стремленья твои.
 Не проклят, но впрок ли
 творились дела,
 и пресса бинокли
 уже отвела...
 Немало есть судеб,
 сгоревших комет.
 Им нет уже судей,
 а вдруг еще нет?

МОЛИТВА

Не множь вещей моих число.
 Хрусталь хорош, да не без яда.
 Дай бескорыстное стекло,
 а больше ничего не надо.
 Прошу не отдыха, не мзды,
 не славы пестрого наряда.
 Не дай, чтоб сгнули труды,
 а больше ничего не надо.
 Не принижай моих врагов —
 цель возвышается преградой.
 Храни меня от дураков,
 а больше ничего не надо.
 Не отводи хулы и тьмы,
 не ограждай от пуль и града.
 Не дай, чтоб проклят был детьми,
 а больше ничего не надо.
 Кончая жизнь без слез, без лжи,
 скажу: жизнь — высшая награда.
 В родную землю положи,
 а больше ничего не надо.

* * *

Январь определенностью хорош.
 Добротнo заморожен и заснежен.
 Лишь воздуха январского глотнешь,
 становишься отчетливым и свежим.
 А в феврале раздумия томят,
 неловко на обветриях скользим мы.
 Но больше всех люблю я месяц март:
 в нем умирают цезари и зимы.

ФЕВРАЛЬ

Ах, какой ты ветренный, февраль!
 До чего разнuzдан ты, приятель.
 Ты целуешь каждую из краль,
 каждой забираешься под платъе.
 Колешь их миллионами щетин,
 прижимаясь нагло и без риска.
 Оторвав от любящих мужчин,
 в переулках начинаешь тискать.
 А они краснеют и грозят,

рвут из цепких рук свои наряды,
 а они по наледи скользят,
 падают и учатся не падать.
 И бегут в безветрие жилищ,
 в избавленье скорое не веря.
 А тебе-то что!
 Присвистнешь лишь,
 на прощанье в спину
 грохнув дверью.
 Наплевать,
 найдем невпроворот!
 Все сгодятся: глупая иль умница...
 Берегись,
 когда февраль идет,
 разбегайся по квартирам,
 улица.

СНЕГ

Гуляет снег,
 гуляет снег,
 набравшись ветра
 к вечеру.
 И
 плевать ему
 на всех:
 катись и не отвечивай!
 Гуляет снег и в бровь,
 и в глаз,
 и не перечь под ночь ему, —
 не то наотмашь врежет,
 р-раз!
 Холодную пощечину.
 Гуляет,
 черт его дери,
 разбойной белой конницей.
 Гудят слепые фонари,
 союзники бессонницы.
 Гуляет...
 улица бежит
 в дома, в ворота,
 в ворота.
 А завтра
 налетят ножи
 и выкинут из города.
 Сегодня
 не собрать костей,
 а завтра сам в испуге
 он будет умолять детей:
 возьмите на поруки.

ГРОЗА

Ждала под гнетом грозной синевы
 того, что неминуемо случится,
 не подымая робкой головы,
 испуганно желтевшая пшеница.
 Разверзлась высь стремительным огнем,
 слепящим и вонзающим рядом.
 Но в самоутверждении своем
 был добрым бог, не поражая градом.
 Он сущее благословил водой,
 и вдаль пошел под триумфальной аркой,

трубя и оставляя за собой
оживший мир, раскованный и яркий.

* * *

*Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю.*
А.Пушкин

На ледяном обдутом гребне —
кувалдой ветер по груди.
Замерзни,
задохнись,
ослепни,
но только вниз не упади.
Приди в восторг над мрачной бездной,
не поминая всех чертей:
по обе стороны
любезно
открыты пасти пропастей.
Скажи, не этой ли наградой
тебя манила высота?
И подожди пока,
не падай:
еще вершина не взята.

МУТНЫЙ МАТЕРИК

Самолетом путь нетрудный,
Кто, тем более, привык,
Кто куда, а я на Мутный,
Я на Мутный материк.
Не ищи его на картах
У тропических широт,
Там не бродят леопарды,
А совсем наоборот.
Не ищи его на картах,
Школьный глобус не крути.
Там по насту мчатся нарты,
Ветер с полюса свистит.
Обрывает наши снасти,
Брови инеем беля,
Ты не знаешь, что за счастье
Крикнуть первому: земля!
Потому, оставив думы,
Мы хватаем рюкзаки,
Отправляемся, Колумбы,
Открывать материки.

* * *

Спирт замирает: минус 47.
Багровое застуженное солнце,
и кажется, что вверх оно не тронется
и там — в снегах — угаснет насовсем.
Но человек —
он странное создание:
он воду пьет, прихваченную льдом,
он отрывает волосы с трудом
от мерзлых стен, проснувшись утром ранним.
Зачем он здесь, где ток замедлен крови,
где, падая, о наст слеза стучит?
Сиреневое стылое безмолвье
распарывают ревом тягачи.
Дымя снегами, вздрагивают ели,

расходятся сугробы тяжело.
И вот из потаенных подземелий
в прозябший мир
вливается тепло.

ФРАНСУА ВИЙОНУ, ПОЭТУ

(год рождения 1431, год смерти неизвестен)

*Отчаянье мне веру придает.
Я всеми принят, изгнан отовсюду.*

Ф.Вийон

Пей, Франсуа Вийон, пей забулдыга старый,
бродяга, плут, крамольник, шут и вор.
Все смертные грехи к тебе пристали,
как к коже татуированный вздор.
Еще ты жив, вывертываясь ловко
из пут косой, но чуешь кожей всей,
что вскоре шею обоймет веревка,
как руки Катерины де Воссель⁸.
Пойми, школяр, пойми, вагант⁹ лукавый,
сильны твои гонители, увы,
но смех не поддается на расправу,
и слову не оттяпать головы.
Что короли, святоши, судьи, мненья?
Твоя беда и все же не беда:
приговорив к изгнанию и забвенью,
они живут мгновенья, ты — всегда.
Пока ты жив, хоть в клети, хоть в бессветьи,
пой, издевайся, к правде волокиты,
и как рапира брюхо

пять столетий

насквозь пронзят твоих баллад клинки.
Не затупись и в ржави не закисни,
зажми же боль, стерпи вороний карк.
Пей горькое вино текущей жизни —
кровь Франции, где пепел Жанны Д'Арк.

БАЛЛАДА О СЕМГЕ

Что вы знаете о семге, вы, пижоны, например?
Все о семге знает Семка, знаменитый браконьер.
Он из древней устьцилемской из раскольничей семьи,
он в Печоре ночью ставит сети хитрые свои.
Битый, мытый и ученый, знает Семка наперед,
где в воде ознобной черной рыба красная идет,
нелегальную путину не проводит на-авось.
На лице его щетина жесточайшая, как гвоздь,
он в одежке неказистой, в сапогах по самый пах,
темен весь как дух нечистый, рыбой по уши пропах.
Матерится, мерзнет, мокнет, захмелен еще с утра.
Через мощные бинокли цедят мрак инспектора...
Ослепительный колючий бьет прожектор, словно нож:
стой, голубчик, ты валютчик — драгоценности гребешь!
Во мгновения, как в сказке, снасть притоплена, и р-раз,
улыбаясь по-корсарски, Семка давит полный газ.
Вслед ему картечь несется... Прозевали молодцы.
Не поможет даже солнце: в воду спрятаны концы.
Но случается иначе. Зло повержено, и вот,
молодцами крепко схвачен, Семка к берегу плывет.
У него мотор прострелен, у него забрали снасть...

⁸ Женщина, из-за которой пострадал Вийон.

⁹ Средневековый бродячий певец.

Не накладна ль, в самом деле, к семге пламенная страсть? будут долго гадать
Платит штраф, сидит в кутузке и опять за баловство, и кормиться ученые.
видно, больше чем закуска эта рыба для него.
В антураже ресторанном разве чувствуете вы?
Семга пахнет океаном и дымком пороховым.

* * *

Мы жезлов не носим в ранцах:
надорвешься без таланта.
Нам стараться, не стараться –
оставаться в лейтенантах.
Может, по другим причинам,
а быть может, в обиходе
мы ведем себя не чинно –
вот нас чином и обходят.
Ну, и бог с ним!
Чин – не знамя.
Главное, чтобы с охотой,
главное, чтобы за нами
поднялась в бою пехота
и бежала беззаветно
и “ура” во всю орала...
Лейтенанты незаметны,
побеждают генералы.
Генералы нас мудрее,
генералы делом правят.
Лейтенанты не стареют:
молодыми умирают.

* * *

*Все врут календари.***А. Грибоедов**

Летописи все – вранье,
Что описано с приязнью,
иль хула на имя чье –
так угодно было князю.
Мемуары все – вранье.
Автор, времени попутчик,
виденье дает свое,
чтобы выглядеть получше.
Вся история – вранье.
Описание в угоду
то ль вождю, то ли народу...
Перепишешь ли ее?

О ПРИШЕСТВИИ ВАРЯГОВ

Разве выпустишь в свет
без догляда партийного?
“Повесть временных лет”
Мономах редактировал.
Нет, не грабить, не красть
мы пришли, бросив странствия,
нас призвали во власть
недотепы славянские...
К огорчению СМИ
все излишнее вырежем,
чтоб предстать пред людьми
с положительным имиджем.
Жаль, что не увидать,
как в наш текст вовлеченные

* * *

*Б.Пастернаку**По трущобам земных щирот
рассовали нас, как сирот.***М.Цветаева10**

Ах, Россия – страна Советов,
с проесенинным ситцем берез,
как ты любишь своих поэтов,
и, случается, просто до слез!
Счет давно неприкаянным начат,
присужденных к казнящей судьбе.
От чрезмерной любви они плачут,
а случается, и по тебе.
По чужбинам, поэт, не мотайся:
горек хлеб зарубежной земли.
Как от Родины, не зарекайся
от сумы, от тюрьмы, от петли.

ОПЯТЬ КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

Реплика:

*по поводу смерти Александра Бордадыма,
журналиста, поэта, коннетабля ордена
куртуазных маньеристов, убитого в 92 году на
гражданской войне в Абхазии.**Злой чечен ползет на берег,
точит свой кинжал.***М.Лермонтов**

Став на два столетия старше,
горы отмечают немо:
кто-то злой ползет как раньше
с РПГ и акаэмом¹¹
Для такой глубокой злости,
очевидно, есть причины.
И судьба как прежде в кости
разыграет жизнь мужчины.
И фатально слепо выйдет:
из числа живых убудет,
нет, не тот, кто ненавидит,
а другой, кто очень любит.
Пуля-дура, кто ж не знает?
То ли дело штык и сабля!
Эта дура залетает
прямо в сердце Коннетабля...
Ах, Апсны¹², твои пределы
обожал он без изъятья,
но не терпит Сакартвело¹³
сепаратные объятья...
В утешение едва ли
вдруг припомнится примета:
на Кавказе убивали
только истинных поэтов.
Только это странно ныне:
словно бы в связи с маразмом
до сих пор не отменили
наказание Кавказом.

¹⁰ Марина Цветаева, у которой после возвращения из эмиграции арестовали мужа и дочь, повесилась в 1941 г.

¹¹ Гранатомет, автомат.

¹² Самоназвание Абхазии.

¹³ Самоназвание Грузии.

ИВАН ПЕХТЕРЕВ

* * *

То дикие орды, то черные ордены
Топтали луга и поля моей Родины.

Летели копыта, копыта, копыта...
Но Русь не была вражьей силой побита.

Она уставала, от битв уставала –
Вставала, до звезд головой доставала.

Высокая ярость, высокая сила –
Россия клинки выше звезд заносила.

В студеные зимы она не замерзла...
Под светлый весенний, под яростный звон
Россия рассветы ткала, как знамена
Для будущих битв, для грядущих времен.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я в детстве ее повстречал под Смоленском,
Закат занимался туманный, как сон...
Звучала она по лугам, перелескам
И был в этой песне раскованный звон.

Ее напевал колокольчик наивный
И колокол мудрый, что прожил века,
Печальная иволга пела на иве
И в поле широком седая река.

Я слушал, как звездное небо звучало,
Звучало до новой зари напролет...
И чудилось мне, что Россия начало
Из этой вот песни старинной берет.

Ее мы не раз из огня выносили –
Нет ей, как и Родине нашей, конца.
Звенит и звенит в этой песне Россия –
И наши и прадедов наших сердца.

БЕЛАЯ РУСЬ

Есть такая река
На родной стороне:
Утром там облака
Чутко спят в тишине
Наподобье гусей –
Голова под крыло...
А по синей реке
Уже солнце прошло.
Здравствуй, Белая Русь!
Я стою в тишине,
Я стою и боюсь:
Ты не снишься ли мне!
Нет, ты есть наяву –
И, счастливый, я пью
И твою синеву,
И прохладу твою.
... Жаль, что короток день,
Покраснела река.
И плывут по воде
На закат облака.

ЧАШИ ВОЙНЫ

Был бой за деревню...
У дымной опушки,
Где птицы когда-то беседы вели,
Ревели, как будто чудовища, пушки,
Как будто чудовища, танки ползли.

Мне гильзы оттуда потом приносили.
– Годятся на кружки, – кузнец замечал...
Из кружек тех пило почти пол-России
И радость, и счастье, и боль, и печаль.

Стоят обелиски на светлой опушке
На страже певучей лесной тишины.
Хранятся в России латунные кружки,
Не кружки, а горькие чаши войны.

* * *

Это поле, смех его и грусть,
И высокий месяц круторогий
Я запомнил с детства наизусть,
Как простые пушкинские строки.

И живет во мне с тех самых лет
Ширь его, щемящая до боли –
Здесь я встретил ясный свой рассвет,
И мой полдень – тоже в этом поле.

А для скольких здесь рассвет погас!
Ты узнай по гильзам и подковам...
Это поле было много раз
Для России полем Куликовым.

Где бы ни был, я ношу в себе
Это поле русское, – и счастлив,
Что и я к большой его судьбе,
Словно колос зреющий, причастен.

ПОЭТ

Поэт всегда поэт.
Он – Прометей.
А если нет, то мысли его тщетны.
Добыть огонь он должен для людей
И принести им тот огонь священный.

О свет высокий!
О, огонь богов!
Ты зажигаешь души, а не печи.
И за тебя поэт всегда готов
Все беды возложить себе на плечи.

Коль надо, сердце он орлам отдаст,
Не станет сожалением терзаться,
Поэт не знает страха никогда:
В нем – сердце Прометея, а не зайца.

Умрет поэт, но пламя слов его
Проходит сквозь сердца быстрее света
И утверждает правды торжество –
И в этом есть бессмертие поэта.

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

На старой вырубке у пня,
Где чахнет песенка комарья,
Как друг старинный на меня
Взглянул цветок Иван-да-Марья.

Он назван так в честь нас с тобой,
В нем два волшебных ясных цвета:
Один – печально-голубой,
Другой – как зреющее лето.

В одну далекую весну,
Когда жила еще Жар-птица,
Две жизни в нем слились в одну,
Слились, чтоб больше не разлиться.

И с той поры который год
Под светлым небом и под хмарью,
Как символ верности, живет
Простой цветок Иван-да-Марья.

* * *

За кустами калины кукует кукушка,
Одинокой на свете жить трудно и кушно.

Я брожу сам не свой по печальной опушке –
Отзывается сердце на голос кукушки.

Широко голубеют цветы на опушке,
Говорят, это – слезы горюхи кукушки.

Бьются в чаще все чаще кукушечьи звуки,
Словно сердце в предчувствии близкой разлуки.

* * *

Есть в краю моем деревня Зори,
Мне навек знакома та земля,

Но ни разу не встречал я зори
Там с дивчиной светлой, как зима.

На краю полесной той деревни
Жил Ян Богуч, обрусевший чех,
Я в саду его большом и древнем,
Словно песню, слушал ясный смех.

Так смеялась только дочка Яна,
Было ей семнадцать в пору ту.
Я смотрел, как призрачной тумана
Уплывало платье в темноту.

Впрямь она была зимою русской:
Жгучею, колючею, шальной,
Тихою, задумчивой и грустной...
А, быть может, только лишь со мной.

...Вновь смотрю, как в омутах оконных
Расставляет солнце невода.
Есть у сердца каждого законы,
Я их не нарушу никогда.

Сердце – это то же государство...
И, как в сказках делали цари,
Я преподнесу дивчине дар свой –
Сердце цвета утренней зари.

Ведь не зря зовут дивчину Властой,
Власта – это счастья торжество.
Слышишь, Власта?
Приходи и властвуй
В государстве сердца моего.

КОСТЕР

Мороз железо, как сухарь, крошил,
Казалось вечным царство лютой стужи –
Движение было выше всяких сил:
Не только ноги – коченели души.

Но вот костер запрыгал на снегу.
Как будто клоун радостный и рыжий,
Он озарил угрюмую тайгу,
Унял мороз и ветер сделал тише.

Свивался в кольца трепетный дымок –
То золотой, то розовый, то синий...
Костер работал, как он только мог –
Самозабвенно, не жалея силы.

Он жил светло и умер, как поэт,
Что прожил жизнь без страха и без фальши,
Он отдал людям и тепло и свет,
Чтоб те могли идти сквозь стужу дальше.

РОДНИК

Берез застенчивых величье...
Притихла древняя тайга...
Здесь бьется, словно сердце птичье,
Пульс небольшого родника.

Снимаю с плеч рюкзак тяжелый,
Хочу удобнее прилечь.
Я слушаю в тиши веселой
Воды языческую речь.

В ней трепетно сияют звезды,
Я слышу их холодный звон.
И розовый таежный воздух
Истоком этим напоен.

* * *

Молчит и зябнет роща голая,
И по земле кочует тишь,
И ты все ниже клонишь голову
И по Иванушке грустишь.

Плывет закат, как лето, вянущий,
И по воде проходит дрожь...
Скажи, не я ли тот Иванушка,
Кого, Аленушка, ты ждешь?

Молчит Аленушка-печальница,
Грустит у рощи на виду,
А перед ней луна качается
Купавой желтой на пруду.

Не рассказала, не поведала,
К коленям голову клоня.
Ах, если б кто-нибудь так преданно,
Так беззаветно ждал меня!

Что за чудо!
Верю и не верю:
в десяти шагах –
мордашка зверя.
Нет же,
не фантазия пустая –
в белой шубке
вижу горностаю.

Очень шустрый
и забавный очень.
То пройдет боком,
то подскочит,
то на лапки станет,
будто служит,
то легко опишет
полукружье,
то приляжет,
то кружит сначала,
то застынет в позе
величавой.

В белой шубке
в солнечном сиянье
горностаю
танцует на поляне.
Ничего вокруг
не замечая,
он танцует.
Он весну встречает.

ПОВЕНЧАЛИСЬ ПАРМА С ТИМАНОМ¹⁴.

Где пурга куролесила люто
и бродяжничали туманы,
в том далеком краю
неуютном
повенчались Парма с Тиманом.
Повенчались ни поздно, ни рано,
в самый срок.
Подспели годы.
Он доводится братом Уралу,
и она из знатного рода.
А точнее – сестра родная
знаменитой Тайги Сибирской.
И еще я замечу, кстати,
что Тиман и красив, и статен.
Не болтлив, а на самом деле
он сокровищами владеет.
Короли того не имели.
Собирал он свой клад веками.
И теперь у него
в подземелье
есть и нефть,
и горючий камень,
и алмаз,
и запасы титана...
Это все надежно хранится.
Впрочем, Парма,
могу поручиться,
не намного беднее Тимана.

НИКОЛАЙ ВОЛОДАРСКИЙ

ТАНЕЦ ГОРНОСТАЯ

Вот иду
таежною тропинкой.
Улеглись
усталые снежинки,
улеглись
мохнатые метели,
не дано им
бунтовать в апреле.

¹⁴ Парма – тайга (коми), Тиман – горная возвышенность на Северо-Востоке России.

Чем, скажите, плохая пара?
Опустив густые ресницы,
улыбается скромница Парма,
ей ведь тоже есть чем гордиться.

Кто сказал, что она из нищих?
Не впадайте, друзья, в заблужденье.
Приглядитесь-ка:
верст за тыщу
протянулись ее владенья,
где и птиц,
и зверья хватает,
где навряд ли кто подсчитает
серебро и бронзу деревьев.

Как хотите, а я поверил
в этот прочный союз
и сразу
понял сердцем – тут без обмана.
Засыпает зеленоглазая
на могучей груди Тимана.
Укачали их, утомили
эти снежные белые будни.
– Пусть наш край, –
они заявили, –
станет радостней
и многолюдней.
Далеко к нам, правда,
далече.
То болота в пути, то сугробы.
Мы пойдем человеку навстречу
и не будем с ним слишком суровы.

Одолеет он дальние дали,
мы покажем ему тропинки.
Для него
мы добро собирали,
для него
мы добро копили...

Повенчались Парма с Тиманом,
в самый срок,
ни поздно, ни рано.

ЭКЗАМЕН

Раздражали слякоть и клочья тумана.
И вообще –
Дурново себя чувствовал скверно.
– В Петербурге, –
сказал Дурново, –
Ульянов,
он приехал сдавать экстерном.
Ведь многие мыслят:
один – не сила,
к тому же слишком молод.
А я вот спрашиваю:
нужна ли России
образованная крамола?
Впрочем, увидим,
сдаст ли успешно?
Богат ли запас его знаний?
Владимир Ульянов –
брат повешенного,

и сам успел отличиться в Казани.
Это к слову,
в порядке совета.
Экзамен Ульянова – ваш экзамен...
И ректор Петербургского университета
в недоумении замер.
В полиции могут сработать чисто.
И ректор гнусавил
до самого дома:
– Ульянов не может быть юристом,
не должен иметь диплома.
И вот он, экзамен.
Здесь каждое слово
примерят, возьмут на пробу...
Входит Ульянов.
Слегка взволнован
юноша крутолобий.
А за столами – важные лица.
Всмотритесь в глаза
и прочтете:
все наслышаны –
в местной полиции
сей человек на учете.
И кое-кто начинает злиться,
похоже,
многим не очень приятно.
На каждый вопрос,
даже тот, что с ехидцей,
студент отвечает разумно и внятно,
легко.

А иные,
но правде признаться,
часами мусолят,
над буквою бьются.
И неожиданно грозные старцы
светлеют,
добрееют,
сдаются.
А как же полиция?
Не услужили.
И ну ее к дьяволу,
опостылела...
У экзаменаторов,
видно,
в жилах
русская кровь не остыла.

Раздражали слякоть и клочья тумана.
Охранка пугалась
собственной тени.
И все же сдал экзамен Ульянов,
и все ж одержал победу Ульянов.
На то он и был Ленин.

НЕ МЕЧ, А МИР

В июне восемнадцатого года
Нас
мертвой хваткой
брал за горло
голод.
Нас обжигали
фронтовые ветры,
В нас

били из орудий
интервенты.
В нас
кулачье стреляло
из обреза.
Мы были крепче камня и железа.
Мы были крепче камня и металла,
Хотя ржаного хлеба не хватало,
Хотя нужда стучала
в наши избы.
И все же
путь был нами верный избран.
Мы прокляли бесправье и насилие,
И в этой правде
черпали мы силы.
Из чистой правды
черпали мы силы.
На капитанском мостике
России
Стоял Ильич.
И взгляд его
был светел:
Ильич смотрел
сквозь даль
десятилетий.
В июне восемнадцатого года
Нас
мертвой хваткой
брал за горло
голод.
Еще иные
мощные державы
Вонзить пытались
в наше сердце
жало.
Но можно ли
идею поколений
Убить
или поставить на колени?
Пытались –
в темную и откровенно...
А в эти дни
художник вдохновенный
Спокойно рисовал
эскиз эмблемы,
Российской Федерации эмблему.
Пускай
свирепствовали
хворь и голод –
Ложились на бумагу
серп и молот,
Чтобы во век
уже не разлучиться,
Чтоб дружбе этой
не было границы.
Ложились на бумагу,
как литые,
Веселые колосья золотые.
Они ложились
зрелым полукружьем.
И тут же меч –
разящее оружие.
Ильич глядел

сквозь даль
десятилетий.
Глазами улыбнувшись,
он заметил:
– Хороший герб.
Отличный герб,
не скрою,
И только меч
некстати здесь
пристроен.
Кому оно –
оружье это –
мило?
Не меч, а мир
несем мы
людям мира.
Мы с каждым годом,
с каждым днем
сильнее,
Но ленинская мудрость
не тускнеет.
Ракеты наши
вышли
к звездной славе,
Но мысли Ильичевы
не ослабли.
Ничуть не меркнет
ленинское слово,
Оно светило нам
и светит снова.
Мы воздвигаем
коммунизма зданье.
Нам нужен мир.
Не меч, а созиданье.

МНЕ ЗНАКОМЫ ЧУДО-СЛОВА

Геннадью Юшкову

Мне знакомы чудо-слова:
Ираэль, Изваиль, Айюва.
Есть у нас в Печорском краю:
Хановой, Юнь-Яга, Хальмер-Ю.
Каждый слышал в нашем краю
соловьиное слово: Чибью.
То не птицы в роще поют,
так поселки и речки зовут.
Пусть наш край и суров, и далек,
но хранит он в земле уголек.
Пусть над нами шумит пурга!
Нам навек полюбилась тайга.
Он и нефтью, наш край, богат.
И немало красивых девчат.
Потому и твержу слова:
Щельяюр, Мичаю, Айюва.

ЛИЛОВЫЙ ЦВЕТ

Закатился лиловый месяц
за лиловые облака.
Может, сутки, а может, месяц
снег валит. Лиловый слегка.

Хорошо в этом снежном кипенье.
Ночь. И город в лиловой мгле.
Я с восторгом и удивленьем
по лиловой иду земле.

И приходит желанное слово...
Я люблю иногда по ночам
пить прохладный воздух лиловый
со снежинками пополам.

СЛОВО ОБ УХТЕ

Не пугайтесь вы облачка серого,
прилетайте на Яке, на ТУ!
Не случайно жемчужиной Севера
называют наш город Ухту.

Здесь когда-то в краю заброшенном
нас не баловала зима.
Но поднялись в тайге запорошенной
белокаменные дома.

Мы воздвигли заводы и промыслы,
нефть покорно по трубам бежит.
Не фантазия это, не домысел.
Приезжайте гостить и жить!

СЛОВО О ПУШКИНЕ

Он гений!
Не смущают его годы
и молодо звенит его строка.
В него стрелял Дантес –
“великосветский шкода”,
поручик лейбгвардейского полка.

Он выстрелил в поэта
нам на горе,
и той печали не видать конца.
Царь думал, что покончил с непокорным
пиитом.
Но, увы, ошибся царь.
Стихи поэта набирали силу
и трудно стало с ними воевать.
Уже тогда
их знала вся Россия,
умеющая по слогам читать.

Потом для них
настанет жизнь другая,
но ждать ее и ждать –
не год, не два...
Звучали, как набат,
царей пугая,
его вольнолюбивые слова.

Не прекращалось его горенье,
не угасал огонь в его глазах.
Он совесть наша,
он наш современник,
сегодняшний он.
Так бы я сказал.

ПОЭТ

Опаленный славой и ветрами,
Он не умирал и не умрет.
Вижу,
как широкими шагами
К бронзовому Пушкину идет.

Есть в запасе вечность.
До рассвета
Можно балагурить, горячась –
О любви,
о ямбах,
о поэтах,
О житейских разных мелочах.

Вижу – на подмостках.
И, конечно,
Зал свирепствует
и рукоплещет зал.
Так поэт
судьбу свою
навечно
С классом атакующим связал.

Наплевать ему на кривотолки,
Пусть эстеты журят и корят...
“Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря...”

Каждый слог,
дыханье
строчек этих
Не познают тления
вовек.
По республике,
по всей планете
Ходит знаменитый человек,
Полоненный
творческим волнением,
Презирая комнатный покой.
Вот таким люблю его.
Такой
Он живет
в моем воображеньи.

ЛУЧШИЙ СТИХ

Время мчится.
Но мы не ослабли
Памятью.
Сердца набат
не утих.

Как сегодня
 вижу –
 Маяковский в Ярославле
 Читает
 свой “Лучший стих”.
 Его ли голос
 в галерке утонет?
 И гаркнул...
 громче
 иерихонских хайл:
 – Товарищи!
 рабочими
 и войсками Кантона
 Взят Шанхай!
 И взрыв оваций.
 Гремящая стая
 Невидимых птиц
 рванулась
 в полет.
 Советские люди
 рукоплескали Китаю,
 Поднявшему штык
 на своих господ.
 Нет, эти страницы
 не будут забыты. –
 Вставал рассвет
 над Китайской стеной.
 И Маяковский,
 большой,
 как событие
 У рампы
 с поднятой головой.
 Таким он
 в будни мои
 растет.
 И Ярославль
 его помнит таким.
 Время мчится.
 В свободном Китае
 Уже взошли
 коммунизма ростки.
 Там
 русскую книгу
 знают и любят.
 Ведь
 наших сердец
 перестук
 не утих.
 На родном языке
 в рабочем клубе
 Китаец
 читает
 “Лучший стих”.
 И люди слушают,
 и рукоплещут.
 И Маяковский
 встает
 сквозь года.
 А мы говорим:
 это дружба
 навечно.
 Ее не порвать.
 Никому.
 Никогда.

АНАТОЛИЙ ПАШНЕВ

* * *

Моя светлая судьба
 Не расхожий “стольник”,
 А по золоту резьба,
 Свет на подоконник.

К солнцу вьющейся лозы
 Виноградный локон,
 И предчувствие грозы
 У раскрытых окон.

Чаша красного вина,
 Что как кровь глотаю,
 И звезда в окне одна,
 Имени – не знаю.

Запах ржи и лебеды,
 Чувств непостоянство,
 Талый свет – твои следы
 В глубине пространства.

* * *

И вот мелькнет в окне вагонном,
 Смещаясь вдаль, наискосок,
 Край поля, луг по низким склонам,
 И кем-то сметанный стожок.

Изгиб реки небесно-синий,
 Тропинки узкой поворот
 И темный шлейф дороги длинной,
 Сомкнувший степь и небосвод.

А там, в лугах, под небом низким
 Из прошлых и забытых лет,
 Тобой не узанный мальчишка,
 Махнувший кепкою вослед.

Все промелькнет. И вновь спокоен
 Пейзаж за окнами скользит.
 Но что-то вспомнится родное
 И странным чувством озарит.

И вдруг поймешь в наплывах гула,

Сжимая пальцы добела,
Что это Родина взглянула
И взгляд усталый отвела.

И будешь долго и бессонно
Стоять у пыльного окна,
Следя на длинных перегонах
Как мило движется страна...

* * *

Звуки плывут и плывут,
Звукам названия нет,
Плавно качая, несут
В тихий сиреневый свет.

Родина! Светлый покой,
Синяя тень на глаза.
Это не тронуть рукой,
С этим расстаться нельзя.

Долгим забудешься сном,
Горький почувствуешь дым,
Если склонись лицом
К древним одеждам твоим.

И проследить длинный путь,
Словно над бездной скользья,
Как это больно вдохнуть!
Выдохнуть это нельзя...

* * *

Я уйду под дождь, под гром,
Я закрываю дверь.
И не жалею ни о чем,
Как не жалеет зверь,

Летящий камнем из пращи,
О том, что вновь и вновь,
Добычу выследив в ночи,
Ее лакает кровь.

Я не жалею прежних дней,
Их радужный обман,
Как не жалеет кораблей
Погибших океан.

И вот, как зверь, один, в дали
Свершаю пиршество.
Любовь и Родина – мои,
И власть, и божество.

Рванусь на запад, на восток
И поплыву в края,
Как кит на розовый песок,
Где Родина моя.

* * *

Позабуду все хорошие слова,
И плохие позабуду – тоже все.
Закачается высокая трава
Надо мною в средне-русской полосе.

Облака, как письма, будут проплывать,
Не жалея ни о чем и не скорбя.
Будет полем, как седеющая мать,
Проходить здесь моя светлая судьба.

Надо мною будет ветер, юн и чист,
Сыпать звуки или листьями сорить.
Только шелест, только трепет, только свист,
Только так я буду с миром говорить.

Лишь к одной звезде и здесь, и в небесах
Я с земным последним словом обращаюсь.
И с твоим дыханьем вечным на губах
Буду спать, моя загадочная Русь.

КОЛЕЯ

Через степи, овраги
Оренбургской земли
Два усталых коняги
Станный груз волокли.

Клетку мерно качало.
В ней, от горечи пьян,
Зло ворочал очами
Пугачев Емельян.

И смиренно, устало
Звук кандалных цепей
Русь окрест повторяла
Куполами церковей.

Полыхали зарницы
С двух далеких сторон,
И до самой столицы –
Перезвон, перезвон...

Приготовлена плаха,
А ведь грезился трон.
Затрещала рубаха
Под последний поклон.

Голова полетела
Не за так, не за зря,
Вот и кончено дело –
Был – и нет бунтаря.

Сколько их, оголтело,
В цвете разных знамен,
Над страной прошумело
Этих смутных времен.

В иступленности злобой
Напотешились власть,
До последней обоймы,
Кто за хлеб, кто за власть.

И верстая итоги,
Из далекой дали
По российской дороге
Две бегут колеи.

КАЯЛА. 1185 ГОД

Колья, стрелы травой повиты,
На щит разбитый осела пыль.
Сыты вороны, волки сыты.
Ветер северный мнет ковыль.

Гой, ты, степь, без конца и края!..
А над степью зари кумач.
А за степью земля родная,
Далеко... и не слышен плач.

* * *

Любится – как видится,
Видится – одно:
Ветер не надышится
На твоё окно.
Радужными лесками
Тянет свет, скользя
Между занавесками
На твои глаза.
Весь лучами сотканый
Веером дрожит,
Золотые локоны
Нежно шевелит.
Я влюблен отчаянно,
Мне пятнадцать лет.
Мы сдаем экзамены,
На столе букет...

* * *

Хотел забыть Вас, но не смог.
Вы – неизбежность дня.
Я был лишь раз у ваших ног,
Вы помните меня.
Вы помните ночную тень,
Как уходил я прочь...
И если Вы – мой светлый день,
Я – Ваша злая ночь.
Пройду я тысячи дорог
И все найду ключи,
И брошу их на ваш порог,
Как звездные лучи.
Во снах являться стану Вам,
В горячечном бреду,
Но к жадно ищущим губам
Уже не припаду.
И Вы, игравшая с огнем,
Сгорите от огня.
Вы пожалеете о том,
Что встретили меня.

АНАТОЛИЙ ИЛЛАРИОНОВ

* * *

Лечит русская зима,
Как от кашля
Водка с перцем,
И от сумерек ума,
И от помраченья сердца.
Сорок градусов мороз –
Это русская потеха.
Рвется береста берез,
Где-то жалуется эхо.
От житейского дерьма,
От болезней,
Вроде мнимых,
Лечит русская зима
Нас,
Людей неизлечимых.

МАЛЕНЬКАЯ СТАНЦИЯ

Эти сосны бесстрастные
Сторожат синеву.
Я на маленькой станции
Все живу и живу.
Позабыты все странствия,
Затерялся мой след.
Мне на маленькой станции
Говорят: “Домосед”.
Но на это ответить
Мне не стоит труда:
“От себя не уехать
Никуда, никуда...”

ПРО ОПИЛКИ

Я целый день пилю дрова,
Все больше на траве опилок.
Чугунной стала голова,
Все меньше в голове опилок.
В моей холодной стороне
Добро изводят на опилки.
О Господи, в моей стране
Кому нужны мои опилки?

* * *

Я свободен,
 Я свободен.
 От чего освобожден?
 И от духа,
 И от плоти,
 И от четырех сторон?
 От земного притяженья?
 И от чувства: быть беде?
 Может быть, от отраженья
 В зеркале или воде?
 Я свободен,
 Я свободен...
 Тонет в океане плот.
 Только в темном небосводе –
 Вечная из всех свобод.

* * *

Не надо иконы менять на лубки,
 Иваны да Марьи не все дураки.
 Не надо молитвы на речи менять,
 Чтоб глаз не мутить,
 Чтобы душ не марать.
 Хватает и так изуверских затей.
 Нет к Божьему Храму
 Окольных путей.

* * *

Родина. Север. Глубинка.
 Жив я, о жизни моля.
 Каждая в поле травинка,
 Словно кровинка моя.

Снова – знакомой дорогой,
 Передохнув в шалаше.
 Нет, моя жизнь не убога,
 Если я с Богом в душе!

Речка за ельником влажным
 Сладкой слезинкой блеснет.
 Горсть голубики от жажды,
 Словно от смерти, спасет.

* * *

Русская телега все скрипит,
 Едет-едет русская телега.
 Чичиков с Обломовым сидит,
 А еще Печорин и Онегин.
 Поезд мчится. Самолет летит.
 Скорость, соответственная веку.
 Русская телега все скрипит.
 Потихоньку.
 Не догнать телегу.

* * *

Помнишь снег,
 Помнишь лес,
 Помнишь дом,
 Помнишь сон, тот что сбылся?
 Помнишь:
 Ангел коснулся крылом

И ребенок родился?
 Помнишь:
 Страшно сбиваться с пути,
 Когда снег пеленою...
 Ах, как ноет,
 Как тает в груди,
 Дай, ладонью прикрою.
 Помнишь каждой росинкой слезы,
 Каждой клеточкой тела:
 Ночью остановились часы,
 Утром жизнь пролетела...
 Пролетела она, пронеслась
 И назад не вернется.
 ...Ничего, что морщинки у глаз,
 Ведь ребенок смеется.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спят дети, игрушки,
 Спать время пришло.
 Склонилось к подушке
 И зло,
 И добро.
 Хоромы, хибары,
 Во мраке ночном,
 Созвездья
 Стожары
 Свалилось ковшом.
 Спят божьи коровки,
 Спят рыбы на дне,
 Бельё на веревке,
 Герань на окне.
 За печкою – кошка,
 В углу – образа.
 Ночь смотрит в окошко,
 А вечность в глаза.

ГРИГОРИЙ БОТВИННИК

* * *

Мой камертон настроен
 на весну,
 Звучат в душе мелодии

лесные.
И ручеек, похожий
на блесну,
Со мной поет дуэтом
о России.
Меня судьба по-разному
вела,
С пригорка поднимала
на вершину,
То горькой ягодой
по осени цвела,
То радовала сладкою
малиной.
Свой талисман я бережно
храню,
В ладони прячу от удара
молний.
И если, дай мне Бог
не уроню,
Я эту песню до конца
исполню.

ВЛАДИМИР АНШУКОВ

НАЕМНИК

Рука набита, глаз наметан –
Я тверд, когда на мушке кто-то.
Играть со смертью не боюсь.
Я круче всех –
я “дикий гусь”.

Немного жаль того мальчишку,
Он для войны был молод слишком...
Останусь жив, опять напьюсь,
И баксы есть –
я “дикий гусь”.

А надо, я сыграть сумею
Борца за правду и идею.
За что на самом деле бьюсь,
Вам не понять –
я “дикий гусь”.

Я здесь герой. Потом, быть может,
И эти в душу плюнут тоже...
Прощай, мной преданная Русь,
Ты мне не мать –
я “дикий гусь”.

ПЕРВЫЙ МАРАФОН

(Легенда о Филитидесе)

Победа – опьяняющее слово.
Оно твое, истерзанная рать,
Его до бесконечности готовы
Запекшиеся губы повторять.

О, если бы услышали Афины,
Где женщины измучились в мольбах!
Один гонец отважился в путь длинный
Отправиться на собственных ногах.

И вот уже он, с ветром споря мчится,
Как будто весть сама его несет,
А сердце бьется, словно в клетке птица,
Ручьями по мощам струится пот.

Зачем спешить? Узнают чуть попозже,
Душа, вперед так сильно не зови!
Но он уже замедлить бег не может,
Большая радость допингом в крови.

И вот его измученного, в пене
Встречает изумленная толпа.
“Мы победили”, – выдал с хрипеньем
И, бездыханный, замертво упал.

ВЛАДИМИР БОГДАНОВ

* * *

Помню: наши отступали.
Впереди был Сталинград.
Помню лязг и скрежет стали –
Танки шли – стволы назад.

Я считал их четко, громко.
(Я уже умел считать).
Вдруг услышал рядом окрик:
“Не считать, едрена-мать!”

Оглянулся – и с обидой:
“Что так?” – дядю я спросил.
Но он был таким сердитым,
Даже пальцем пригрозил.

Затемно вернулся в хату,
Что едва вмещала всех,
Там угрюмые солдаты
Собирались на ночлег.

И тот дядя нехороший
Тут же был среди солдат.
Он мне волосы взьерошил
И дал сахар рафинад.

Я заснул не без усилий,
В потом пахнущем тепле.
Не было меня счастливей
На воюющей земле.

И приснился сон мне сладкий:
Был ликующий народ,
И что шли обратно танки,
И все – пушками вперед.

БЕРЕСКЛЕТ

Неприхотливый сын природы
Лесной кустарник бересклет.
Напомнил вдруг о недороде
Послевоенных первых лет,
Что мать моя справлялась где-то
Или узнала от подруг,
Что в лыке корня бересклета
Есть очень ценный каучук.

Ее колхозная “зарплата” –
Лишь трудовни...
И я весной
Ходил с сестрой и старшим братом
На скудный промысел лесной.
Мы шли в дубняк,
Мы в дебри лезли,
Там жег полегче солнца луч.
И как мы радовались, если
Был корень сочен и дергуч.
Но попадался и задирист:
Он руки рвал и сердце мне.
Рубаха, сшитая на вырост,
От пота тлела на спине.

С корней мы лыко обдирали,
Дышащих влагой поутру,
А в полдень полог расстилали –
Кору сушили на ветру.
И старший брат,
Еще мальчишка,
Прилежно лыко ворошил,
Что пригодится на покрывки

Для самолетов и машин.
Но постепенно гасло лето...
И за мешок сухой коры
Мы получали горсть монеток
Той дореформенной поры.
И наши грезы были сладки,
И я ту радость не забыл,
Что мы могли купить тетрадки
И химтаблетки для чернил.

О, детских лет
И боль, и грезы!..
Не бересклет был их виной,
Не этот промысел –
Суть слезы
Страны, разграбленной войной.
И мне не здесь искать ответа.
... В плену зеленой красоты
Лежу в прохладе бересклета
И трогаю его листы.
И чую:
Той щемящей болью
Жжет сердце памяти огонь,
Как детства первые мозоли
Кровоточащую ладонь.

ГЕННАДИЙ ИВАНОВ

ВЫБОР

Замрем на мгновенье,
чтоб время услышать смогли,
Уйдем от крушений,
от пагубных разрушений.
Незримые крылья
у нас за спиной проросли,
Мы стали смелее
в принятии важных решений.
И сделали выбор –
идти за одним вожаком,
Он, книгу истории
нашей листая,
Уверенным должен быть
только в одном,

Что следом летит
 вся могучая стая.
 Ведь это непросто,
 чтоб крест на себя возложить,
 Не маг человек, не чародей,
 не волшебник,
 Он не для себя,
 для других обязуется жить
 По новым законам,
 еще не вошедшим в учебник.
 К моменту такому
 мы трудной дорогою шли,
 И у Всевышнего
 блага себе не просили,
 Руками своими
 лепили частицу Земли
 С созвучным сердцам нашим
 словом Россия.
 А кто-нибудь скажет иное,
 что это слова,
 И нет в них реальной
 и творческой силы,
 А все же свершается –
 снова Россия жива!
 Единая и неделимая
 наша Россия!

* * *

День уже пошел на рост.
 Солнце выше, выше!
 Рассердившийся мороз
 Был – да вышел!

А недавно? Чуть дыша
 С ним играли в прятки,
 У термометра душа
 Уходила в пятки.

Ночь – на убыль!
 День – на рост!
 Веселее стал
 Прогноз.

ПАВЕЛ КОРЮГИН

А ТЫ И НЕ ЗНАЛА

С обидою прочь от меня отвернулась,
 Во всем разуверься, с трудом засыпала.
 Я мучился ночью. А ты не проснулась.
 Я умер под утро.
 А ты и не знала.
 Рванувшись, куда-то душа полетела.
 Ты видела сон и тревожно вздыхала.
 Смотрел на свое почужевшее тело
 И плакал над ним я.
 А ты и не знала.
 На небе чужая звезда загорелась.
 Нечистая сила вдали завывала.
 Душе моей снова чего-то хотелось, —
 Сочувствия, что ли...
 А ты и не знала.
 Я рано убрался, почти что и не жил,
 За сорок всего – до обидного мало.
 Я редко тебя, моя милая, нежил
 И каялся ныне.
 А ты и не знала.
 Потом над могилой при всех голосила,
 Под крест деревянный цветы расстилала.
 И все же – жила неубитая Сила:
 Все так же любил я!
 А ты и не знала.

АЛЕКСАНДР МАКСИМОВ**ШАМАНСКИЕ МОТИВЫ.**

Айда! Домой да
 Ой да! –
 Замерз весь бубен
 Мой да!
 И солнца блин
 Такой да
 Простуженный
 И злой да!
 Мороженой
 Тропой да,
 Давай! Толпой
 За мной да!
 Духам такого ранга
 Построена яранга.
 Большая лайка
 Найда
 Открыла хай да
 Лай да
 На весь олений
 Край да!
 Жены моей колени –
 Как головы тюленей.
 Да ай да, уй да,
 Ой да!!
 Друзей пинают тени:
 – Давай да – дуй
 Домой да!
 – Учужала, однако,
 Что я не трезв, собака!

КАПРИЧЧИО

Буду ужасно культурно
 Вить “ариаднову” нить.
 Слогом вальяжно-бравурным
 Чувственных дев бередить.

Буду сиять незабвенно
 Шалым отсветом души.
 Буду хмельно-откровенно
 Злые уставы крушить.

Буду стоять монументом,
 Сея плацкартный уют,
 К птичкам горя комплиментом,
 Что у подножья снуют.

Буду лениво-таверным,
 Ловким движением рук
 Бряцать роялем фанерным
 Блюзы подкрашенных мук.

ИРИНА КУТЕПОВА

* * *

Звезды падают с тихим звоном,
 Замирает душа моя,
 Лада милая,
 мой бажонный,
 Как я жить могла без тебя?
 Я запомню твой взгляд зеленый,
 Нежность ласк твоих сохраню,
 Лада милая,
 мой бажонный,
 Я люблю тебя, я люблю!
 Ночь закончится легким стоном,
 Будет небо чуть-чуть светлей,
 Лада милая,
 мой бажонный,
 Стал ты песней в судьбе моей.
 Звезды сыплются с тихим звоном,
 Замирает душа моя,
 Лада милая,
 мой бажонный,
 Как ты можешь жить без меня?

* * *

Тонет радуга-дуга
 В поднебесье ситцевом,
 Льются слезы-жемчуга,
 Сердце рвется птицею.
 Не сомкнутся берега
 У Печоры-магушки,
 Нас беда подстерегла,

Разминулись ладошки.
Рву лазоревы цветы,
Грусть в букет приложится,
С кем теперь, бажонный, ты?
Как живется – можется?
Я не мужняя жена,
Не вдова, не брошена,
Я тобой обожжена,
Я тобою скошена.
Тонет радуга-дуга
В поднебесье ситцевом,
Льются слезы-жемчуга,
Сердце рвется птицею.

САРАФАН

Вышью золотом по зеленому,
Да цветы по подолу пушу,
Напишу стихи про бажонного,
По медовым глазам загрузу.

Ой, как молодо было зелено,
Да легки на рассвете слова,
Счастья звонкого да не меряно,
Да шелками стелилась трава.

По зеленому только золотом,
Да накидкою сизый туман,
Незабудка брошью приколата –
Вот и вышила я сарафан!

НАДЕЖДА КАНЕВА

ВОЛОС ДЛИННЫЙ

В бурном море, в утлой лодке,
Мать и четверо ребят.
– Волос длинный – ум короткий, –
Часто в свете говорят.

Бог не балует погодой,
Нужно выплыть, правь, вдова,
Длинный ум или короткий,

Только ты семьи глава.

Вечереет, рыба в лодке,
Напрягает силы мать.
Длинный ум или короткий,
А детей должна поднять.

ДОЛИНА

Ночная темная вуаль
Скользнула, обнажив природу:
Дрожа, лучи упали в воду,
Манила дымчатая даль.

В долине утренний покой,
В час ранний солнце чуть алело:
И куст в цвету лилово-белый
Я нежно трогала рукой.

Покрова красочен узор,
Сплошным ковром цветы пестрели.
И звуки дивные свирели
Лились к вершинам синих гор.

Здесь запах трав, цветов дурман,
На лепестках дрожали росы.
Купала в речке ива косы,
И таял над рекой туман.

ОСЕНЬ

Лес, река, полоска ила,
Звон ручья хрустальный,
На сосне слеза застыла
Капелькой янтарной.
Бархательника зеленый,
Куст в уборе броском,
И одеда золоченный
Свой наряд березка.
И листва кружить готова
В вихре бурным танцем.
Через год предстанет снова
Этот лес в багрянце.
В жизнь мою прокралась осень,
В даль умчалось лето.
Только я грущу не очень –
Я пою про это.

СВЕТЛАНА ШИРОКОВА**В МАРТОВСКУЮ НОЧЬ У ОКНА**

Ночь. Улицы – натянутые струны.
 Прикосновенье тихое весны.
 И тайного признания полны
 Хвои сосновой стрелчатые руны.

Рассвет. Луны истаявшее око.
 Изгиб стальной в молочных берегах:
 Река темнеет. И в ее глазах –
 Рассыпанные бисеринки окон.

Лист. Не окончено стихотворенье.
 Прощальный след минувших зимних стуж –
 Пушистый снег на хрупких лицах луж.
 Как неожиданное откровенье.

ПИШУ МУЗЫКУ

Мне тонкий луч роняет в грудь
 Луна мерцающим аккордом.
 И в календарике затертом
 Мне этот день не зачеркнуть.

Жемчужный клавишный наплыв,
 И черный лак фортепиано,
 И рук полет в безумстве пьяном,
 И грусти неземной прилив...

Закрыв глаза, играть – идти,
 Отдавшись лунному томленью,
 И сверхъестественным прозреньем
 Вдруг обрести живой мотив!..

РИММА ЛАПИНА

* * *

И снова за спиной моей вокзал,
 Кому-то я испортила обедню.
 “Красавица”, – попутчик мне сказал.
 Ответила ему я: “Просто ведьма!”
 Я ведаю, почем огонь в золе,
 Когда слова бывают бесполезны,
 Что вовсе не летают на метле,
 А в поездах транзитных ведьмы ездят.

* * *

Я с детства точных не люблю наук.
 За это потихоньку мстят угодники.
 То умудряюсь в чей-то влипнуть круг,
 То увязаю в чьем-то треугольнике.
 То угол я пытаюсь отыскать,
 Чтоб избежать сердечной мелодрамы.
 И черная гнетет меня тоска:
 Чего же ждать от параллелограмма?

НАТАЛИЯ ФОМЕНКО

* * *

Господи!
 Неужели было.
 Господи,
 Неужели будет.
 Господи,
 А я так любила,
 Господи,
 А он так не любит.
 Господи,
 Как легки мгновения,
 Господи,
 Сокровенны муки.
 Господи,
 Сердца откровенье,
 Господи,
 Сохрани в разлуке...
 Господи,
 Неужели было.
 Господи,
 Неужели будет.
 Господи,
 А я так любила.
 Господи,
 А он так не любит.

ГАЛИНА СОЛОГУБ

* * *

Чуть проснешься,
 И сразу вспомнится
 Боль души,
 Сгоревшей напрасно.
 День в окошки
 Уже ломится
 И грозит пустотою.
 Страшно.

Дым прошедшего,
 Как наваждение,
 По углам пеленою
 Стелется.
 Жизнь –
 Наивное заблуждение.
 Ни во что в ней
 Больше не верится.

И стираются
 Яркие краски
 Без особого
 Сожаления.
 Лиц не видно.
 Одни лишь маски.
 Жизнь –
 Опасное заблуждение.

Бесконечность
 Для приходящего
 Суею напрасною
 Смажется.
 Исчезаем
 В плену настоящего.
 Не живем мы.
 Нам только кажется.

УВЕЗИ МЕНЯ НА ДАЧУ

Мы подвержены болезням,
 И печалям, и сомненьям,
 Мы в одеждах теплых прячем
 Наши слабые тела.

Я прошу тебя любезный,
Как наступит воскресенье –
Увези меня на дачу,
Чтоб я дальше жить могла.

Мы с тобой посмотрим вместе,
Как встает над речкой солнце,
И купается в рассвете
Даль некошенных лугов.
И не надо нам за место
В суете людской бороться,
Станем просто легким ветром

И водой меж берегов.

И забудем о сомнениях,
О болезнях и печалях...
Растворимся и сольемся
В свете ласковой зари.
Как наступит воскресенье –
Жизнь свою начнем сначала,
А когда домой вернемся –
О любви поговорим.

ОБ АВТОРАХ

МИРОШНИЧЕНКО НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Родилась 3 июля 1943 г. в Москве. Окончила Коми пединститут. Преподавала английский язык. Работала корреспондентом республиканских газет. Печаталась в журналах, в коллективных сборниках, отдельными книгами, многие из которых выходили в центральных изданиях. Член Союза писателей СССР с 1981 года. Председатель общественной организации “Русский дом”. Лауреат премии “Северная звезда” (1996 г.), присужденная ей правительством Якутии за вклад в развитие литературы Российского Севера. Лауреат Государственной премии Республики Коми за книгу стихов “Русское сердце” (1999 г.). Членкорреспондент Петровской академии наук (1999 г.), вошла в состав правления Союза писателей России (1999 г.). Сыктывкар.

ЮШКОВ ГЕННАДИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Родился 14 марта 1932 года в деревне Красная Часовского сельсовета Сыктывдинского района. Закончил Литературный институт. Известен как поэт, прозаик, драматург. Самый продуктивный писатель республики. Член союза писателей СССР. Народный писатель Республики Коми. Лауреат Государственной премии Коми АССР (1974 г.). Лауреат премии Союза Писателей СССР (1982 г.). Лауреат международной премии общества имени М.А.Кастрена (2000 г.). С 1978 по 1992 гг. был председателем Правления Союза Коми писателей. Сыктывкар.

ПОПОВ СЕРАФИМ АЛЕКСЕЕВИЧ

(25.12.1912 – 11.08.2003 гг.)

Родился в селе Жешарт. Член Союза писателей СССР. Народный поэт республики Коми. Лауреат Государственной премии Республики Коми им. И.А.Куратова (1971 и 2001 гг.). Награжден орденом Дружбы народов (1982 г.). Печатался в журналах, в коллективных сборниках, отдельными книгами. Сыктывкар.

ВАНЕЕВ АЛЬБЕРТ ЕГОРОВИЧ

(18.07.1933 – 12.12.2001 гг.)

Родился в деревне Буткан Удорского района. Член Союза писателей СССР. Народный поэт республики Коми. Автор более двадцати поэтических книг на коми и русском языках. Кандидат филологических наук. Мастер сонетов. Первый в Республике написал “венки сонетов”. Сыктывкар.

КУРАТОВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ

(18.07.1839 – 29.11.1875 гг.)

Родился в селе Кибра Усть-Сысольского уезда в Вологодской губернии. Учился в духовном училище, затем в духовной семинарии. Работал учителем духовно-приходского училища. Отличался смелостью написания стихов, за что последние десять лет жизни пришлось провести в Средней Азии. В стихах он оставался верен передовым взглядам и убеждениям.

КУШМАНОВ ВИКТОР ВИТАЛЬЕВИЧ.

Родился 20 марта 1939 г. в спецпоселке Ниашор. Член Союза писателей СССР. Выпустил около 10 книг поэзии и прозы. Стихотворение “Мой друг Володя Глебов” вошло в антологию одного стихотворения поэтов России за 1988 год. Сыктывкар.

ИОНОВ ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ.

Родился 21 февраля 1942 г. в г. Пугачеве Саратовской области. Окончил Московский лесотехнический институт, заочно Литературный институт. Член Союза писателей СССР. Автор многих поэтических книг и романа “Спас на Печоре”. Работает журналистом. Сыктывкар.

РАСТОРГУЕВ АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ

Родился 14 ноября 1964 г. в Магнитогорске. Окончил Уральский университет. Печатался в журналах “Север”, “Уральский следопыт”, “Россияне”, альманахе “Белый бор”. Автор трех поэтических книг. Член Союза писателей России. Победитель конкурса на лучшее литературное произведение о Стефане Пермском (драматическая поэма “Успение Стефана Пермского”). Занимается переводами с коми. Сыктывкар.

ТИМИН ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился 2 июля 1937 года в селе Пажга Сыктывдинского района. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Член союза писателей СССР. Лауреат международной премии общества имени М.А.Кастрена (1997 г.). Лауреат Государственной премии Республики Коми им. И.Куратова (1999 г.). Заместитель председателя правления Союза писателей Коми. Сыктывкар.

ФРОЛОВ ДМИТРИЙ. ВАЛЕРИАНОВИЧ

Родился 24 мая 1957 г. в пос. Тракт Княжпогостского района. Окончил Литературный институт. Стихи публиковались в журналах “Литературная учеба”, “Север”, коллективных сборниках, альманахе “Белый бор”. Автор книжки “Стихи” и поэтического сборника “Ветровая песня колокольная”. Член Союза писателей России. Занимался переводами коми поэзии на русский язык. Погиб 22 июня 1995 г. в Москве. Сыктывкар.

ВЬЮХИН ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился 4 августа 1941 г. в деревне Большой Исток Вологодской области. Окончил Егорьевское авиационное училище и заочно Литературный институт. Член Союза писателей СССР. Печатался в журналах “Север”, “Гражданская авиация”. Автор четырех поэтических книг “Тяготение”, “Кровная связь”, “Земное небо”, “Поколение”. Сыктывкар.

СУВОРОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ.

Родился 9 октября 1946 года на станции Бира Дальневосточной железной дороги в Еврейской автономной области. Окончил филологический факультет Коми пединститута. Печатался в журналах, в коллективных сборниках, альманахе “Белый бор”. Член Союза Российских писателей. Автор книги стихов “Черный ящик”. Сыктывкар.

БЛИНОВ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ

(27.02.1939 – 2.10.1996 гг.)

Родился в городе Минусинске Красноярского края. Окончил факультет журналистики Московского университета. Работал корреспондентом. Автор сборников стихов “Мёртвые сраму не имут”, “Период полураспада”. Сыктывкар.

АЛШУТОВ АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ

(6.04.1935 – 12.02.1999 гг.)

Родился в Москве. Учился на ихтиологическом факультете рыбного института. Печатался в журналах “Звезда”, “Сельская молодежь”, “Юность”, в коллективных сборниках “Шаги”, “Северный автограф”, “Выбор”. Член Союза писателей СССР. Автор поэтических книг “Север и восток”, “Затяжной прыжок”, “Занесенные снегом”. Мастер баллад. Автор популярной песни “Проходит кавалерия” (музыка В.Шаинского, исполнял В.Трошин). Сыктывкар.

КЛЕЙН АЛЕКСАНДР СОЛОМОНОВИЧ.

Родился 20 марта 1922 г. в Киеве, учился в Ленинградском институте театра и кино. Добровольцем ушел на фронт. Бывший узник фашистского концлагеря и ГУЛАГА. Печатается с 1955 г. автор многих пьес, поставленных в театрах страны. Член Союза писателей СССР. Кандидат искусствоведения. Автор книг “Земное тяготение”, “Секунды”, “Мой номер “2П-904” и др. Воркута. Сыктывкар.

ТЕРЕНТЬЕВА ЛЮБОВЬ БОРИСОВНА

Родилась 14 августа 1959 года в селе Пыелдино Сосольского района. Окончила филологический факультет Сыктывкарского университета. Известна как поэт, прозаик, драматург, литературный критик. Автор многих пьес, которые прошли в театрах десятка городов России. Некоторые пьесы отмечены призами разных конкурсов. В 1998 году ей присуждена Государственная премия Республики Коми. Член Союза писателей России. Автор книг “Женская логика”, “Русские дети Ван Гога”, “Гуманитарный класс”. В настоящее время директор Коми книжного издательства. Сыктывкар.

САЛТАНОВА ВАЛЕРИЯ АНАТОЛЬЕВНА

Родилась 11 июня 1966 года в Пятигорске. Окончила Воркутинское музыкальное училище по классу фортепиано, Московский Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Автор сборников стихов “Стихи разных лет”, “Нешкольное сочинение”, “Сквозь жернова времён”. Воркута.

ЖУРАВЛЕВ-ПЕЧОРСКИЙ ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ

(7.03.1930 – 3.04.1980 гг.)

Родился в г. Мезени Архангельской области. Служил на Балтийском флоте. После демобилизации с 1955 г. работал в городской газете “Ухта”. Через три года переехал в Усть-Цильму. Окончил высшие литературные курсы. Член Союза писателей СССР. Автор двадцати книг стихов и прозы, добрая половина из которых вышла в центральных издательствах. Ухта. Усть-Цильма.

ТЕРНОВСКИЙ ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ

Родился 21 июля 1930 года в г. Москве. После окончания Московского геологоразведочного института приехал на север и обосновался в Ухте. Лауреат литературной премии “Ухтинская Ника” (2000 г.). Публиковался в журналах “Нева”, “Север” и “Ухта литературная”, в альманахах и коллективных сборниках: “Переключка”, “Радуга свершений”, “Гамма”, “Северный автограф”, “Отражение”, “Геология – жизнь моя...”, “Негаснущий костер”. Член Союза писателей России.

Автор поэтических сборников “Неудобная земля” и “Стихи очень разных лет”. Несколько лет руководил литературным объединением. Соредатор с Алексеем Мильковым журнала “Ухта литературная”. Ухта.

ПЕХТЕРЕВ ИВАН ЕГОРОВИЧ

Родился 8 января 1938 года в д. Недведь Могилевской обл. в крестьянской семье. В 1960 г. окончил факультет журналистики Минского государственного университета. Сразу же приехал в Ухту. Работал редактором Ухтинской студии телевидения. Стихи публиковались в коллективных сборниках “В краю таежном” и “Переключка”. Член Союза писателей СССР и Республики Беларусь. Автор поэтического сборника “Лебеди летят на север” (1970 г.). В городе и в республике известен также как автор песенных текстов. На его стихи написаны песни “Мамины глаза”, “Речка-реченька”, “Есть такая планета Вуктыл”, “Аленушка” и др. В настоящее время живет в Могилеве.

ВОЛОДАРСКИЙ НИКОЛАЙ АБРАМОВИЧ

(21.09.1914 – 7.02.1992 гг.)

Родился на Украине в Кировограде. Подвергшись репрессии, попал на север, в Ухту, где прожил более полувека и здесь же похоронен. Учился в Литературном институте им. Горького. Член Союза писателей СССР. Один из колоритнейших ухтинских и республиканских поэтов. Автор десяти поэтических сборников. Много лет руководил литературным объединением города. Ухта.

ПАШНЕВ АНАТОЛИЙ ВИКТОРОВИЧ

Родился 3 августа 1952 года в Белгороде. Окончил Белгородский индустриальный техникум и Ленинградский электротехнический институт связи имени М.А. Бонч-Бруевича. Публиковался в журналах “Советский воин”, “Север”, “Ухта литературная”, в газете “Литературная Россия”, в альманахе “Белый бор” (2-й выпуск), в коллективных сборниках “Диалог под звездами”, “Отражение”. Член Союза писателей России. Автор двух сборников стихов “Лирика” и “Возвращение”. В 1995 году за первый сборник стихов “Лирика” общественной организацией “Русский дом” присуждена первая литературная премия имени С. Есенина. Ухта.

ИЛЛАРИОНОВ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ

Родился 8 мая 1952 года на ст. Израель Сосногорского района, где живет и по сегодняшний день. Работает дефектоскопистом дистанции пути в Сосногорском отделении Северной железной дороги. Публиковался в альманахе “Белый бор” (1-й - 3-й выпуск), в коллективных сборниках “Северный автограф”, “Диалог под звездами”, “Отражение”, в журнале “Ухта литературная”. Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников “Одиночество”, “Маленькая станция”, “Осенним светом”. Станция Израель.

БОТВИННИК ГРИГОРИЙ ЗИНОВЬЕВИЧ

Родился в 1935 году в городе Ереване. Профессия – музыкант, работник культуры. На севере с 1964 года, столько же лет в Ухте. Стихи публиковались в коллективном сборнике “Отражение”, в журнале “Ухта литературная”. Автор совместного с Геннадием Ивановым поэтического сборника “Листья памяти”. Ухта.

АНШУКОВ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ

Родился 21 января 1952 года в Усть-Цилемском районе Республики Коми. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. Преподает в горно-нефтяном техникуме. Публиковался в коллективном сборнике “Отражение”, в журнале “Ухта литературная”. Автор поэтического сборника “Стремление к бесконечности”. Ухта.

БОГДАНОВ ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ

Родился 28 октября 1936 года в Волгоградской (Сталинградской) области. Окончил Ленинградский университет. Член Союза журналистов России. Работал в газете, редактором телевидения, собкором республиканского радио. В настоящее время свободный художник. Стихи печатались в периодической печати Кировской и Волгоградской областях, республики Коми, в коллективных сборниках г. Кирова. Ухта.

ИВАНОВ ГЕННАДИЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ

Родился 5 октября 1941 года. Окончил Московский Литературный институт им. Горького Союза писателей СССР. Работал в полевых сейсморазведочных партиях, в разные годы был корреспондентом, референтом. Публиковался в коллективном сборнике "Отражение". Автор поэтического сборника "Тропинка забытой любви" и совместного с Григорием Ботвинником поэтического сборника "Листья памяти". Председатель Ухтинского литобъединения в 80 – 90-е годы. Ухта.

КОРЮГИН ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ

Родился в 17 июня 1948 года в деревне Варнаки Нолинского района Кировской области. Окончил Исовский геологоразведочный техникум и Ухтинский индустриальный институт. Геофизик. Публиковался в журнале "Ухта литературная" № 4, в коллективном сборнике "Отражение". Автор поэтического сборника "Час прозрения". В настоящее время председатель литературного объединения. Ухта.

МАКСИМОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

(3.05.1956 – 14.09.2003 гг.)

Родился в Свердловске. Образование среднее. Работал телемастером. Лауреат литературной премии "Ухтинская Ника" (2000 г.). Печатался с большой подборкой стихов в журнале "Ухта литературная" № 6. Ухта.

КУТЕПОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА

Родилась 7 февраля 1964 года в селе Усть-Цильма Республики Коми. Окончила Сыктывкарский педагогический институт, филолог. Работала собкором "Панорамы Республики" ГТРК "Коми гор", сейчас референт ОАО "Битран". Автор

поэтических сборников "Лада милая, мой бажонный..." и "Тринадцатое декабря". Ухта.

КАНЕВА НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА

Родилась 15 февраля 1942 года в г. Мураши Кировской области. Окончила Ухтинский лесотехнический техникум. Работает председателем профкома "Коминфетеофизика". Печаталась в журнале "Ухта литературная". Автор поэтических сборников "Люби, не требуя ответа", "Волны живой любви". Ухта.

ШИРОКОВА СВЕТЛАНА ВАЛЕРЬЕВНА

Родилась 2 января 1975 года в г. Грозный. Окончила Художественную школу в г. Ухте, Кировское музыкальное училище. Работает руководителем хоровой студии "Юность". Публиковалась в коллективном сборнике "Отражение", в журналах "Сама я", "Прекрасная половина", в альманахе "Белый бор" (3-й выпуск), в республиканских газетах. Ухта.

ЛАПИНА РИММА АЛЕКСАНДРОВНА

Родилась 16 декабря 1956 года в Троицко-Печорске. С пяти лет в Ухте. Окончила филологический факультет Коми государственного педагогического института. Преподавала в школе, работала корреспондентом в газетах. Редактор журнала "Сама я". Публиковалась в коллективном сборнике "Отражение", в альманахе "Белый бор" (3-й выпуск), в журнале "Ухта литературная". Автор персонального сборника "Налетел апрельский ветер". Ухта.

ФОМЕНКО НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

Родилась 1 сентября 1951 года на Дальнем Востоке в г. Хабаровске. Окончила Ухтинский индустриальный институт. Работает в "Печорнипинефть". Публиковалась в альманахе "Белый бор" (2-й выпуск), в коллективном сборнике "Отражение", в журнале "Ухта литературная". Автор персонального сборника "Из малахитовой шкатулки". Ухта.

СОЛОГУБ ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА

Родилась 24 января 1959 года в г. Тейково Ивановской области. Окончила филологический факультет Ивановского государственного университета. Педагог, журналист. Публиковалась в альманахе "Белый бор" (1-й и 2-й выпуск), в коллективном сборнике "Отражение". Автор поэтических сборников "Неверных нот чередование" и "Тропинка у обочины дороги". Ухта.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ	стр.
Надежда Мирошниченко.....	2
Геннадий Юшков.....	8
Серафим Попов	11
Альберт Ванеев	12
Иван Куратов	14
Виктор Кушманов	14
Юрий Ионов.....	18
Андрей Расторгуев.....	21
Владимир Тимин.....	22
Дмитрий Фролов.....	23
Валерий Вьюхин.....	24
Александр Суворов.....	26
Владимир Блинов.....	26
Александр Алшутков	28
Александр Клейн.....	31
Любовь Терентьева.....	33
Валерия Салтанова	34
Василий Журавлев-Печорский	36
Игорь Терновский.....	40
Иван Пехтерев	52
Николай Володарский	54
Анатолий Пашнев.....	58
Анатолий Илларионов.....	60
Григорий Ботвинник.....	61
Владимир Аншуков.....	62
Владимир Богданов.....	62
Геннадий Иванов.....	63
Павел Корюгин	64
Александр Максимов.....	65
Ирина Кутепова.....	65
Надежда Канева	66
Светлана Широкова	67
Римма Лапина	67
Наталья Фоменко.....	68
Галина Сологуб.....	68
ПЕРСОНАЛИИ	70

Литературно-критический журнал “Ухта литературная”

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков	тел.	6-17-34
Игорь Терновский		6-12-46
Валерий Жуков		4-52-95
Тамара Новикова		5-17-70

*Журнал «Ухта литературная» поздравляет ухтинцев
с 60-летием города. Ноябрь 2003 г.*

Улица Первомайская в 1948 году.
Фото В. Семенова

Проектная контора
(1948 г.)
Сейчас на этом месте
«Печорнипинефть».
Фото В. Семенова

Октябрьская площадь (1948 г.) Фото В. Семенова